

Общество распространения религиозно-нравственного просвещения в духе Православной Церкви».

Б Е С Ъ Д Ы

о превосходстве

ПРАВОСЛАВНОГО ПОНИМАНИЯ ЕВАНГЕЛИЯ

сравнительно съ учениемъ Л. ТОЛСТАГО.

Ректора Московской Духовной Академіи Архимандрита АНТОНІЯ.

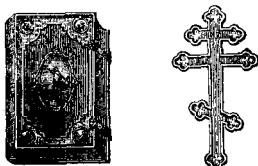
ИЗДАНИЕ ВТОРОЕ.



С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Типографія А. КАТАНСКАГО и К°. Невскій просп., д. № 132.
1891.

Отъ С.-Петербургскаго Духовнаго Цензурнаго Комитета печатать дозво-
ляется. Спб., 10 Мая 1891 г. Цензоръ Протоиерей А. Автономовъ.



БЕСѢДЫ о превосходствѣ православнаго пониманія Евангелія сра- внительно съ ученіемъ Л. Толстаго.

I. Широта вѣры Христовой.

«Всякія кончины видѣхъ конецъ: широка заповѣдь Твоя, Господи, зѣло!» (Пс. СХVIII, 96). Такъ восклицаетъ Богопрорвѣщенный мудрецъ-псалмопѣвецъ Ветхаго Завѣта. Опытъ жизни раскрылъ ему смыслъ всего совершающагося на землѣ со стороны осуществленія воли Божіей въ каждомъ событиї. Но, ставъ на высоту разумѣнія, псалмопѣвецъ видитъ, что мысль Господня превышаетъ свое проявленіе на землѣ, что премудрость Творца простирается еще далѣе—въ область не-пережитой еще міромъ истины. Стоя предъ нею, псалмопѣвецъ преклоняется предъ величіемъ Божественнаго разума, Божественнаго закона и взываетъ: «широка заповѣдь Твоя, Господи, зѣло!»

Итакъ, жизнь осуществляетъ собою не всю истину, но только ту или иную ея сторону. Такъ и истину Христова ученія цѣлѣя историческая эпохи, цѣлѣя великія народности разработали далеко не во всей ея полнотѣ, но каждая лишь часть ея.

Была вѣковаяalexandrійская школа, или лучше сказать цивилизація; она разработала и уяснила часть ученія христіанства, занималась догматами св. Троицы, внутреннею идеальной связью книгъ Библіи, и такимъ образомъ для жизни дала гармонію въ области религіознаго сознанія, объединяя разностороннее нравственное, историческое и догматическое содержаніе христіанства въ одну систему, и тѣмъ приводя христіанскую жизнь къ сознательному единству. Но съумѣла ли она указать способъ соединенія столь возвышенной христіанской

системы съ различными формами общежитія, въ которыя поставляетъ Господь людей? Нѣтъ, пустынничество являлось въ глазахъ людей этого направлениія почти единственнымъ *практически* осуществимымъ образомъ слѣдованія евангельскимъ истинамъ.

Вотъ тысячелѣтній народъ древняго Рима, покоритель вселенной, обнялъ подножіе креста Христова и началъ усердно переламывать свои многочисленныя учрежденія всѣхъ отраслей общежитія на христіанскій ладъ. Но законы внутренняго нравственного развитія личности съ одной стороны, а съ другой—возвышенная связь истинъ богословія, не вошли въ сознаніе религіозной жизни западного христіанскаго міра.

Есть дѣятельность, которая имѣеть своею задачей сводить во едино и освѣщать сознаніемъ результаты жизни; дѣятельность эта называется наукой, философіей. Понятно, что и наука извѣстнаго времени никогда не бываетъ въ состояніи охватить собою всю широту евангельской истины, а только уясняетъ ту ея сторону, съ которой примыкала къ христіанству самая жизнь, выработавшая то или другое направлениѳ науки. Поэтому является вполнѣ естественнымъ, если во времія преобладанія формальной логики, богословіе сводилось къ одной почти систематизаціи логическихъ опредѣленій христіанства, если въ эпоху развитія мистицизма, религія Христова рассматривалась со стороны личнаго отношенія человѣка къ Богу и постепеннаго съ Нимъ сліянія и т. д.

Въ частности, въ дѣлѣ толкованія евангелія какое только направлениѳ человѣческой жизни или мысли не постаралось разъяснить законъ Богочеловѣка въ свою пользу! Лѣтъ 50 тому назадъ, во времія философіи Гегеля, съ ея ученіемъ о діалектическому развитію понятій, догматъ св. Троицы, смерть и воскресеніе Христа Спасителя и др. истины Писанія разсматривались главнымъ образомъ со стороны философскихъ принциповъ о переходѣ одного понятія въ другое, о переходѣ положительного содержанія понятія къ своему собственному отрицанію и т. д. Мало помнили люди, что слово Божіе «не въ препретельныхъ человѣческія мудрости словесѣхъ, но въ явленіи духа и силы» (1 Кор. II, 4), мало помнили они, что логика и метафизика суть весьма второстепенные способы познанія Христа, что познается Онъ по преимуществу дѣятельною любовью. Прошло времія гегельянства, наступилъ періодъ материализма и фатализма, значеніе человѣческой личности

было уничтожено, вся жизнь наша объяснялась чрезъ виѣшнія вліянія окружающей матеріи, въ законахъ которой полагалась причина всего происходящаго подъ солнцемъ. Кажется, чего враждебнѣе подобное учение евангельской идеї? Но нѣтъ, и оно нашло себѣ соприкосновеніе съ откровеніемъ Божіимъ, а именно въ тѣхъ послѣднихъ словахъ, которыя учатъ о несвободѣ грѣховнаго человѣчества, о томъ, что только благодать Божія можетъ возводить его къ совершенству. Фаталистической матеріализмъ пріймѣнилъ къ учению о благодати свои мысли о міровомъ прогрессѣ, совершающемся не чрезъ человѣческую волю, но чрезъ независящее отъ нея постепенное облагороженіе организмовъ, причиной котораго служатъ основные и абсолютные законы матеріи.

Вложенные въ человѣка потребности высшей жизни, заставили его однако отнять свое исключительное вниманіе отъ матеріи и связанного съ нею удовлетворенія чувственныхъ похотей, и поставить предметомъ изученія область жизни общественной. Однако и здѣсь мысль не отрѣшилась отъ материалистической точки зрѣнія и усиленно стремилась устроить законы общежитія не на взаимномъ самоотверженіи людей, но на хитромъ сочетаніи ихъ себялюбія, такъ что всякий поступалъ бы добродѣтельно ради собственной пользы. Такъ дѣйствовало учение эвдемонизма, въ болѣе благородной своей формѣ названное утилитаризмомъ. Конечно, оно тоже поставило себѣ цѣлью объяснить въ свою пользу учение Христово, и опираясь на тѣ притчи, въ которыхъ Спаситель разъясняетъ, что Его законъ есть, между прочимъ, и законъ высшаго благоразумія, эти ученые толковали все учение Нового Завѣта, какъ учение утилитаристическое. Они совершенно просмотрѣли, что внутренній міръ личности, а не виѣшнѣе устройство общежитія составлялъ главнѣйшій предметъ Божественнаго ученія, что Господь, правда, признаетъ Свой законъ источникомъ высшаго блага, но лишь въ томъ случаѣ, если его исполнитель отречется отъ эгоистического настроенія.

Жизнь, дѣйствительно, показала, что ища своихъ удовольствій и выгодъ, человѣкъ всего болѣе удаляется себя отъ истиннаго блаженства. Оно оказалось вовсе недостижимымъ для себялюбивой постановки европейской жизни и вотъ мрачный пессимизмъ, философія отчаянія, замѣнилъ прежнія ученія. Жизнь и міръ признаны были за зло, смерть—за единственное избавленіе отъ него. Горды своею цивилизацией и

умѣніемъ весело жить, европейцы преклоняются теперь предъ дотолѣ презираемыми ими послѣдователями азіатскаго буддизма, говорять съ уваженіемъ о факирахъ, умѣющихъ совершенно отрѣшаться отъ жизни и въ полномъ забвеніи чувствъ стоять на одной ногѣ цѣлыхъ сутки.

Нужно ли говорить, какимъ образомъ всѣ слова Писанія о томъ, что міръ лежитъ во злѣ, что въ отрѣшеніи отъ прелести міра заключается путь ко спасенію, доставили пессимистамъ возможность все учение Христово объявить самымъ чистокровнымъ пессимизмомъ и, на ряду съ утилитаристами, материалистами и гегельянцами, возглашать, что именно они поняли Евангелие?

Въ нашемъ русскомъ обществѣ не столько философія, сколько жизненные идеалы воздѣйствовали на умы. Такъ шестидесятые годы извѣстны возбужденіемъ общественныхъ стремленій къ уравненію сословій и состояній, къ учрежденію всенароднаго образованія, къ прегражденію насилий и произвола. Понятно, что только извѣстныя стороны евангельского ученія принимались во вниманіе людьми этой эпохи. «Когда же поймутъ люди,—говорилъ одинъ изъ ея наиболѣе вліятельныхъ представителей,— что учение Христа состоитъ не въ тупомъ смиреніи и терпѣніи, а въ томъ, чтобы помогать и заступаться за меныщую братію?»

Понимали ли эти дѣятели, какъ далекъ былъ Господь отъ того, чтобы Его ставили дѣлить имущество между людьми? Понимали ли они, что Онь цѣнилъ развитіе добродѣтельнаго настроенія въ душахъ прежде всего, и только въ качествѣ выраженія его одобрялъ милосердіе къ бѣднымъ, или отреченіе отъ своего положенія и имущества?

Явились въ Россіи иного рода идеалы, стремившіеся къ возвышенію и возсозданію началъ древне-руssкаго быта. Естественно, что они должны были, подобно нашимъ предкамъ, поставить себѣ цѣлью не сочинять, а изучать христіанство. Однако, далеко не всѣ послѣдователи этого направленія выдержали принципъ и у многихъ изъ нихъ христіанство смѣшилось съ патріотизмомъ. Догматические и нравственные вопросы вѣры они решали съ чисто бытовой точки зрењія и также точно объясняли причину отпаденія отъ церкви раскольниковъ, оказывая отечественному русскому расколу едва ли не болѣе сочувствія, нежели евангельской истинѣ.

Говорить ли о прочихъ направленіяхъ умственной жизни

России: о мистицизмѣ, о спиритизмѣ и др. странныхъ заблужденіяхъ, которая однако не преминули эксплоатировать въ свою пользу Библію, причемъ спириты, напр., едвали не важнѣйшимъ событиемъ священной исторіи были склонны считать вызовъ умершаго Самуила Аэндорской волшебницей? Говорить ли о множествѣ уже чисто религіозныхъ исповѣданій и сектъ—и пріемлющихъ св. преданіе, и отвергающихъ, признающихъ всю Библію, или только Новый Завѣтъ, или только Четвероевангеліе, или одно Евангеліе отъ Иоанна? Всѣ они утверждаютъ, что всѣхъ лучше усвоили небесную истину ученія Спасителя, усвоивъ на самомъ-то дѣлѣ только ту или другую ея сторону.

Спросимъ теперь: неужели ученіе Христово такъ темно и двусмысленно, что всякое ученіе человѣческаго разума можетъ въ немъ находить свое оправданіе? Нѣтъ, не темнота, но широта евангельской истины тому причиной. Никакое ученіе не состоитъ изъ одной лжи, изъ сплошного заблужденія; каждому доступна частичка добра, частичка истины. А такъ какъ божественное откровеніе заключаетъ въ себѣ всю истину въ лицѣ Господа нашего И. Христа, сказавшаго: «Я есмь путь, и истина, и жизнь» (Иоан. XIV, 6); такъ какъ Онъ Самъ есть тотъ разумъ, то Слово, которое было вначалѣ, чрезъ которое произошло все, что произошло; такъ какъ Онъ есть Свѣтъ человѣкомъ и чрезъ Него подается людямъ благодать и истина: то естественно, что вездѣ, гдѣ только мысль человѣческая сколько-нибудь соприкасается съ истиной, гдѣ стремленія человѣческаго духа сколько-нибудь возвышаются надъ грѣховнымъ себялюбіемъ,—вездѣ тамъ оказывается раскрытая дверь къ Евангелію. Въ этомъ-то смыслѣ Господь и говорилъ, что Онъ есть дверь во дворъ спасенія. Но почему же люди начинаютъ думать, что та маленькая частичка истины и добродѣти, до которой они дошли въ данное время, при данныхъ условіяхъ жизни, есть по преимуществу близкая къ ученію Спасителя? А потому, что «болій есть Богъ сердца нашего» (1 Иоан. III, 20), и та даже малая частичка истины, до которой мы доходимъ съ великимъ трудомъ и борьбою, встрѣчается намъ въ Евангеліи раскрытою съ гораздо большею силою, убѣдительностью и жизненностью. Естественно, люди склоняются думать, что и вся суть Евангелія въ этой частичкѣ истины. Поэтому только враждебное предубѣжденіе людей противъ откровенного ученія бываетъ причиной враж-

дебнаго отношенія нѣкоторыхъ ко всему Новому Завѣту; всякая же положительная добрая мысль находитъ въ послѣднемъ подтвержденіе и расширеніе.

Но какъ же предохранить себя отъ подобнаго односторонняго разумѣнія Библіи — не превышающаго собственнаго внутренняго опыта? Гдѣ найти такой, не въ нашей заблуждающейся душѣ лежацій критерій (мѣрило), выясняющій дѣйствительный смыслъ откровенія, независящій отъ направленій эпохъ и цивилизаций, почерпающій источникъ религіозныхъ понятій изъ самыхъ нѣдѣръ Божественной истины? Если жизнь обществъ и народовъ можетъ воплощать только одну сторону евангельской истины, да притомъ еще съ необходимостью примѣшиваются къ ней свои заблужденія: то гдѣ же найти такую жизнь на землѣ, которая бы воплощала эту истину въ ея настоящемъ смыслѣ, могла бы раскрывать ее въ ея совершенной полнотѣ? Гдѣ найти такую жизнь, которая была бы чиста отъ пристрастій народности и эпохи, отъ заблужденій порочнаго сердца?

I. Христосъ, утѣшаючи своихъ учениковъ предъ разлукой на канунѣ Своей крестной смерти, говорилъ имъ, что, удаляясь отъ нихъ, Онъ дѣлаетъ имъ же лучше, потому что только Его искупительная смерть можетъ даровать имъ Св. Духа, Который наставитъ христіанъ на всякую истину и обличить міръ въ его заблужденіяхъ относительно Его — Искупителя (Іоан. XVI, 7—14). О тѣхъ, кому ниспосланъ будетъ Св. Духъ, Господь молился, чтобы они были едино другъ съ другомъ, чтобы они были освящены чрезъ истину Слова Божія, такъ чтобы чрезъ ихъ духовное единство міръ уразумѣлъ, что Богъ Отецъ дѣйствительно послалъ въ міръ Спасителя, дабы Онъ, Спаситель, на вѣки пребывалъ съ ними (Іоан. XVII, 11—26). Итакъ, должна существовать на землѣ жизнь, свободная отъ временныхъ заблужденій, жизнь, раскрывающая не чрезъ одни человѣческія усиленія, но при помощи Св. Духа, все говоренное Господомъ въ его истинномъ смыслѣ, жизнь, совершенно чуждая пристрастій и сквернъ человѣческихъ, носящая въ себѣ присутствіе Самого I. Христа. Жизнь эта называется Церковью. Мы пока не будемъ искать, гдѣ есть истинная Церковь, въ какомъ исповѣданіи, или во всѣхъ вмѣстѣ; слѣдуетъ ли ее понимать, какъ жизнь извѣстнаго опредѣленного общества, или она невидима и воплощается въ обществѣ только отчасти, только въ одной сторонѣ его

жизни. Но мы убѣждены, что это такая жизнь, которая совершается въ непогрѣшимомъ союзѣ съ Богомъ и Христомъ, была обѣщана Имъ и *должна существовать* на самомъ дѣлѣ, если только христіанство не осуждено на вѣчное и всеобщее недоразумѣніе.

Если же существуетъ такая жизнь, если существуетъ въ людяхъ вѣра въ эту жизнь, то, конечно, различныя теченія общественного развитія, выясняющія христіанство только съ одной стороны, не только не гибельны, но, напротивъ, содѣйствуютъ къ усвоенію истины во всѣхъ частностяхъ, лишь бы ея уяснители помнили, что у нихъ есть только часть истины, лишь бы они не забывали, что не произволь ихъ мысли, не субъективное ихъ убѣженіе должно служить для нихъ окончательнымъ мѣриломъ своихъ выводовъ, но должно свѣрять ихъ съ объективною живою истиной, съ жизнью Церкви.

Итакъ, вѣру въ непогрѣшную Церковь непремѣнно должно ставить выше своего собственного разумѣнія, не ради слѣпотства духовнаго или обскурантизма, но исходя изъ того *разумнаго основанія*, что никто еще не постигалъ ученія Христова въ совершенствѣ по причинѣ пристрастій и ограниченности, а потому слѣдуетъ всегда имѣть при себѣ смиренную мысль: «разумъ и совѣсть открыли мнѣ разумѣніе Евангелія настолько-то, но истина евангельская навѣрно шире моего разума; послушаю, что о ней говоритъ Церковь, которой Господь обѣщалъ разумѣніе».

И пока было такъ, пока любовь и смиреніе народовъ и сословій превышали характерныя ихъ особенности, до тѣхъ поръ все разнообразіе ихъ типовъ слагалось въ одну стройную и жизненную картину православія. Западъ не стыдился заимствовать у восточныхъ Отцевъ умозрѣніе и аскетику, свѣтила западной церкви изъясняли св. Писаніе по учителямъ Сиріи и Египта, а эти въ свою очередь не считали униженіемъ для отечества обращаться къ римскимъ святителямъ для практическаго улаженія различныхъ неустройствъ; такъ св. Аѳанасій Великій прибѣгалъ къ заступничеству Запада, и св. Іоаннъ Златоустъ обращался съ жалобой на весь Востокъ къ папѣ Иннокентію. Воистину не было тутъ «еллина и іудея, обрѣзанія и необрѣзанія, варвара и ския, раба и свободнаго, но всѣ, и во всѣхъ Христостъ». Какъ во времена Апостоловъ никто не считалъ ничего своимъ, но все отдавалъ на общую потребу, такъ и въ Церкви всякое отдельное

общество, сословие, народъ и эпоха все дарованное имъ отъ Промысла должны влагать въ сокровищницу Церкви, содѣйствуя тѣмъ всестороннему прославленію истины чрезъ усвоеніе всѣми достоинствъ всѣхъ, по слову Апостола: «всѣ мы духомъ крестились въ одно тѣло, іudeи и еллины, рабы или свободные и всѣ напоены однимъ Духомъ. Тѣло же не изъ одного члена, но изъ многихъ. Богъ расположилъ члены такъ, какъ Ему угодно... членовъ много, а тѣло одно. Не можетъ глазъ сказать рукѣ: ты мнѣ не надобна, или также голова ногамъ: вы мнѣ не нужны... И вы тѣло Христово, а порознь—члены» (1 Кор. XII, 12—28).

Такъ утверждается истинное, православное разумѣніе дѣла Христова при разнообразіи людей, обществъ, народовъ и временъ, примиряя и объединяя все собою. Эту-то мысль хотѣли выразить наши предки XVI вѣка, написавъ на столбахъ паперти московскаго Благовѣщенскаго собора языческихъ мудрецовъ древней Греціи, какъ бы открывавшихъ своими изреченіями входъ въ храмъ истины христіанской. Итакъ, Церковь не раздѣляюще, но соединяюще имѣть назначеніе. И если какія толкованія истины не мирятся съ ея ученіемъ и выдѣляются, то не сообразныя условія исторіи тому причиной, а грѣховность воли, которая или по ненависти, или по горделивому небреженію оттолкнулась отъ единства Церкви и поноситъ ее на собственную свою погибель. Церковь и ея истина не могутъ пострадать отъ враждебныхъ ей направленій, напротивъ, какъ не меркнетъ, но еще ярче свѣтить огонь, окруженный тьмою, какъ засѣянная нива не только не портится, когда весною чрезъ нее устремляется мутный потокъ, но удобряется имъ; такъ и всякаго рода затѣмнѣнія христіанства не колеблютъ самой-то Церкви, но только содѣйствуютъ утчненію ея ученія, а погибаютъ только тѣ или озлобленные, или легкомысленные люди, которые не пожелали, какъ слѣдуетъ, поискать и поизучать Церковь, а довѣрились безвременно голосу своего еще неусовершенного сердца. Но если и они не поддаются въ своихъ изысканіяхъ полному озлобленію и гордости, если не усыпятъ свою совѣсть, то, конечно, никуда не уйдутъ отъ Церкви и возвратятся въ нее какъ блудные сыны. Поэтому не защита церковной истины, а попеченіе о тѣхъ, которые отступаютъ отъ нея по недоразумѣнію, побуждаетъ насъ говорить о правотѣ Церкви. Итакъ, чѣмъ болѣе хорошаго, искренняго и доброго

найдемъ мы въ томъ ученіи обѣ евангельской исторії, къ разбору котораго мы приступаемъ, тѣмъ болѣе есть у насъ надежды на его сліяніе съ Церковію. Не опровергать будемъ мы послѣдователей этого ученія, а сравнивать ихъ идеалъ христіанства съ тѣмъ, который находится въ немъ православіе.

Опровергать это ученіе посредствомъ уясненія произвольности его отношенія къ тексту свящ. Писанія, посредствомъ защиты исторической подлинности нашихъ евангелій и православнаго характера всей евангельской философіи—это не наша задача, ею занимались другіе. Да еще и гораздо раньше въ русской литературѣ были цѣлые томы, которые доказывали, посредствомъ историческихъ, филологическихъ и другого рода доводовъ, справедливость православнаго разумѣнія евангелій. Таковы сочиненія еп. Михаила, митр. Макарія, свящ. Буткевича, протоіерея Гетте; есть и переводная литература первоклассныхъ ученыхъ Запада подъ общимъ заглавіемъ: «Матеріализмъ, наука и христіанство». Но съ этимъ новымъ ученіемъ подобного рода борьба почти безполезна, ибо его послѣдователи прямо утверждаютъ, что имъ почти все равно—когда и кѣмъ написаны Евангелія, что не на доводы исторіи надѣется авторъ ихъ передѣланнаго Евангелія, выбирая изъ ученія И. Христа только нѣкоторыя рѣчи и перемѣняя ихъ по своему. Онъ убѣжденъ, что въ передѣланномъ видѣ Христово ученіе съ такою силою покажетъ свое превосходство предъ церковнымъ, чрезъ воздѣйствіе на человѣческій «разумъ и совѣсть», что всякий скажетъ: если Христово ученіе есть истина, то, конечно, оно заключается въ передѣланномъ евангеліи, а не въ старомъ. Наконецъ, всѣмъ извѣстно, что и послѣдователи этого ученія не исторические критики, а люди, не находившіе прежде нравственнаго удовлетворенія въ жизни, и старающіеся его найти въ новомъ ученіи. Итакъ, не полемика, не указаніе многочисленныхъ противорѣчій послѣдняго, но сравненіе идеаловъ есть наша задача. Истина православія сіяетъ такимъ свѣтомъ, что не нуждается въ охулкѣ на все ей чуждое, въ опороченіи противныхъ ей ученій. Для людей добрыхъ, ищущихъ истины, достаточно только открыть глаза на этотъ ея духовный свѣтъ, чтобы они поняли, гдѣ находится истина.

II. Богъ-отецъ.

«Я смотрю на христіанство, не какъ на исключительно Божественное Откровеніе и не какъ на историческое явленіе:

я смотрю на христіанство, какъ на ученіе, дающее смыслъ жизни», такъ говорить авторъ передѣланнаго евангелія. Чистосердечно разсказывая о себялюбивой постановкѣ своей прежней жизни, которая привела его подъ старость къ полному отчаянію, онъ вспоминаетъ, какъ его всегда поражали люди, живущіе не себялюбіемъ, но любовью къ Богу и къ ближнимъ. Сердце говорило автору, что если онъ будетъ подражать имъ, то и его жизнь наполнится содержаніемъ; такъ и сбылось на самомъ дѣлѣ. Отрѣшася отъ себялюбія, онъ получалъ внутреннее самоудовлетвореніе и понялъ, что въ этомъ самоотреченіи для другихъ есть истинный смыслъ жизни. Онъ обратился къ ученію И. Христа и нашелъ, что все оно и заключается въ этой мысли, въ указаніи той истины, что смыслъ жизни заключается въ пяти заповѣдяхъ на горной проповѣди.

Итакъ, сущность Евангелій, будто бы, заключается не въ, установленіи философскихъ принциповъ—догматовъ или обрядового культа, но въ уясненіи тѣхъ добродѣтелей, принятіе которыхъ наполняетъ смысломъ нашу жизнь. Эти заповѣди: 1) никого не обижать; 2) не развратничать; 3) не клясться; 4) не судиться, и 5) не дѣлать различія между своимъ отечествомъ и чужимъ.

Насколько правъ авторъ въ подобномъ опредѣленіи сущности христіанства? Несомнѣнно, что Господь приходилъ на землю и для того, чтобы раскрыть людямъ истинный смыслъ жизни, несомнѣнно, что и смыслъ ея Онъ полагалъ въ исполненіи заповѣдей. И церковь не только не отвергаетъ этой истины, но и сдѣлала ее содержаніемъ своихъ ежедневныхъ молитвъ: «Христе, свѣте истины», «Возсіай въ сердцахъ нашихъ» и мн. др., въ которыхъ ученіе Христа является освѣщающимъ всю нашу жизнь истиннымъ смысломъ, который заключается въ исполненіи заповѣдей. Обратимся ли къ истории,—мы найдемъ множество примѣровъ, что учителя Церкви принимали христіанство именно какъ ученіе, примиряющее ихъ съ жизнью. Таковы св. Густинъ Мученикъ, бл. Августинъ и др. И они однако не отдалялись отъ церкви. Итакъ, разъясняя ученіе Христово, какъ ученіе, дающее смыслъ жизни, новое ученіе еще ничего не сказало.

Новое евангеліе утверждаетъ далѣе, что исполненіе заповѣдей нельзя завѣщать ради только послушанія Богу, но слѣдуетъ творить добро во имя добра. Если мы обратимся къ

жизни, то увидимъ, что свободное исполненіе какого-либо доброго дѣла всегда цѣнится нами выше, чѣмъ исполненіе его ради слѣпого послушанія. Солдатъ, стоящій на часахъ, не внушаетъ намъ такого уваженія, какъ мать, стерегущая сонъ своего ребенка. Мы всѣ, конечно, испытали также настроеніе, когда хочешь любовью обнять весь міръ не потому, что того требуетъ Богъ, но потому, что мы тогда любимъ, мы тогда имѣемъ разумѣніе жизни. Въ виду этихъ-то фактовъ авторъ новой вѣры все христіанство сводить къ исполненію 5 заповѣдей. Въ истинности этихъ заповѣдей будто бы всѣ увѣрены непосредственно, если же не исполняютъ ихъ, то не потому, что не вѣрятъ, но потому, что отвлекаются соблазнами, а кто ихъ исполняетъ, тотъ всегда увѣренъ, что онъ истинъ; мысль эта повторяется много разъ въ передѣланномъ евангелии (см. къ Лк. XIV, 16—23, Иоан. VII, 17, VIII, 31, X, 1, XIV, 21). Церковное учение тоже говоритъ, что любовь лежитъ въ основаніи вѣры и что она свободна; въ этомъ-то смыслѣ Отцы разсуждали, что Богъ все можетъ совершить, но не спасти человѣка противъ его воли; тотъ же смыслъ имѣеть разсужденіе о недоказуемости истинъ вѣры: должно прежде возлюбить сердцемъ, чтобы увѣровать (Иоан. V, 42—45). Итакъ церковь не вѣшнаго только требуетъ послушанія, а свободной безкорыстной любви. Но спрашивается, часто ли человѣкъ можетъ находиться въ такомъ высокомъ настроеніи, чтобы не только чувствовать въ своемъ сердцѣ, но и исполнять требования добра? Пусть новое учение не признаетъ паденія Адама и въ немъ всего человѣчества, но авторъ его не только возражаетъ противъ грѣховной порчи человѣка, но горько, почти съ проклятиями отчаянія, жалуется въ одномъ произведеніи на свою неспособность осуществлять то, что онъ уважаетъ (письмо къ Энгельгардту).

Если такимъ сознаетъ себя человѣкъ, вполнѣ постигшій смыслъ жизни, то можетъ ли положиться на одно внутреннее достоинство заповѣдей юноша? Не самъ ли авторъ исповѣдуется въ томъ, что до 50 лѣтъ онъ, не имѣя вѣры въ Бога, жилъ «запоемъ жизни», минутными увлечениями, а самоцѣнное значеніе добра безконечно было далеко отъ того, чтобы воздѣйствовать на его волю.—Но мало того: если я исполняю законъ только потому, что сейчасъ настроенъ благожелательно, то въ силу той же логики я долженъ дѣлать зло тогда, когда я настроенъ злостно. Сегодня я помогаю другу, имѣя

щеніе о томъ, что начало жизни не есть вѣшній Богъ, какъ думаютъ люди, но разумѣніе жизни». Первую главу отъ Иоанна онъ читаетъ: «въ основу и начало всего стало разумѣніе жизни. Разумѣніе жизни стало вмѣсто Бога. Разумѣніе жизни есть Богъ». «Христосъ—это то разумѣніе, которое есть въ насъ»—говорится у него въ другомъ мѣстѣ—къ М. XXII, 43. Далѣе выясняется, что подобное убѣжденіе достигается чрезъ исполненіе заповѣдей. Обѣтованіе И. Христа ученикамъ о ниспосланіи Св. Духа въ этомъ евангеліи значится такъ: «наставникомъ вашимъ послѣ Меня будетъ вами знаніе истины. Исполняя Мое ученіе, вы будете всегда чувствовать, что вы въ истинѣ».

Итакъ, по этому ученію не личный Богъ есть безусловное начало всего, обосновывающее всякую истину, но какое-то разумѣніе жизни. Православіе и всѣ христіанскія исповѣданія учатъ, что, дѣйствительно, разумѣніе жизни было до насъ, что не мы можемъ сочинять жизнь, но истинная жизнь была до насъ. Но они не говорятъ, что это разумѣніе исключаетъ личного или, какъ выражается авторъ, вѣшнаго Бога. Какой же міровой разумъ: личный или безличный можетъ служить лучшимъ побужденіемъ къ добродѣтели? Личного, всеблагаго Творца и Искупителя мы любимъ и этою любовью, этой вѣрой въ Него побѣждаемъ зло. Возможно ли любить безличный міровой разумъ, который только въ людяхъ достигаетъ своего сознанія? Новое евангеліе прямо отвѣчаетъ: нѣть. Въ объясненіе къ Иоан. IV, 20 написано: «мы любимъ не Бога, котораго нельзя любить, а брата, котораго можно любить. Итакъ, памъ дана заповѣдь любить Бога въ братѣ своемъ» (ср. толк. къ М. XXII, 37—40). Но если я брата въ данную минуту ненавижу, то какъ же мнѣ любить Бога? Да и возможно ли любить не личного Бога, когда любовь, по опредѣленію всѣхъ психологій, есть чувство по преимуществу личное? Личность и любовь связаны въ новѣйшемъ сочиненіи автора. «Что такое «я»? спрашиваетъ онъ и отвѣчаетъ: «наше «я» познается изъ любви. Свойство больше или меныше любить—и есть особенное «я» человѣка» («Жизнь», стр. 197). Можетъ ли безличный Богъ любить? Въ передѣланномъ евангеліи есть упоминаніе о Его любви къ людямъ, но это есть не чувство любви, а скорѣе самый творческий процессъ, состоящей въ дарованіи намъ духа жизни, жизни духовной, поэтому и любовь Божія въ этомъ смыслѣ распространяется не

на всѣхъ безъ различія, а только на живущихъ духовною жизнью: «кто не исполняетъ Моего ученія, говорить Иисусъ въ этомъ евангеліи (Іоан. XIV, 24), того не можетъ любить Мой Отецъ». Итакъ, если послѣдователь его согрѣшилъ, но хочетъ побѣдить свою страсть, то онъ не только не можетъ себя укрѣпить мыслью о любви Бога ко вся кому грѣшнику, Его милосердію ко всякому падающему; не только онъ не видитъ своего небеснаго Отца, идущаго на встрѣчу блудному сыну, но онъ знаетъ, что то отвлеченнное понятіе о разумѣніи жизни, которое ему замѣнило Бога, что оно теперь отъ него удалилось, стало ему чуждо...

Судите теперь, какое ученіе о Богѣ: православное или новое можетъ скорѣе содѣйствовать добродѣтели? Судите, какой Богъ есть вѣнчній для нравственной воли человѣка: Богъ ли личный, всеблагій Искупитель, или Богъ безличный, разумѣніе жизни, сознаваемое въ душѣ человѣка только во время ея просвѣтленнаго благожелательнаго настроенія?

Но спрашивается: неужели это вѣчное, безусловное, хотя и безличное разумѣніе совершенно чуждо воздействиія на нравственную волю человѣка? Этого нельзя сказать. Оно вноситъ въ нее ту идею, что любовь не есть только наше произвольное настроеніе, но основная идея міровой жизни, что нравственный законъ есть законъ безусловный: въ этомъ заключается и мораль Канта по его «Критикѣ практическаго разума». Эта идея не согрѣваетъ нашего сердца, но возбуждаетъ уваженіе къ добру. Объ этомъ всемирномъ значеніи блага, кроме указанныхъ мыть, есть еще много разсужденій во всѣхъ новѣйшихъ сочиненіяхъ нашего автора. Слѣдовательно, онъ признаетъ связь между добродѣтелью и основными началами; слѣдовательно, Церковь тѣмъ фактъ, что, раскрывая эти начала, учила о нихъ, нисколько не измѣнила нравственному содержанію христіанства; слѣдовательно, догматы необходимы для нравственности, лишь бы они были догматы истинные, обосновывающіе настоящую нравственность, а не ложную, вѣтшину. Не въ томъ бѣда, что существуютъ догматы—всѣ они суть требованія нравственного христіанскаго сознанія, какъ уясняется у всѣхъ отцевъ *). Зло въ томъ, если изучать эти догматы вѣтъ ихъ отношенія къ добродѣтели, какъ простыя логическія формулы. Не удалять ихъ слѣдуетъ отъ добродѣ-

* См. также. Бѣляевъ: «Любовь Божественная».

тели, но на нихъ утверждать послѣднюю. Законъ Христовъ—въ любви, но «проявлять любовь», говорится въ новомъ сочиненіи того же автора, «невозможно людямъ, непонимающимъ смысла жизни. Настроение любви представляется имъ не сущностью жизни человѣческой, но случайнымъ настроениемъ» («Жизнь», 146). Вотъ еще подтвержденіе связи нравственности и доктринальскихъ истинъ.

Отрицаю Богъ личность, новое евангеліе, естественно, отрицаетъ и промыслъ Божій, или непрестающее попеченіе небеснаго Отца о чадахъ Своихъ—людяхъ: «Богъ не править нами, читаемъ въ новомъ евангеліи, но какъ съятель броситъ съмена, а самъ и не думаетъ о нихъ»; и дальше: «Богъ, пока люди живутъ, не вступается въ ихъ жизнь» (толков. Мэ. XIII, 33). Да впрочемъ, какъ же и могла бы дѣйствовать въ жизни безличная идея? Какъ возможно ученіе о промыслѣ при отрицаемой личности въ Богѣ? Итакъ, послѣдователи нового евангелія суть брошенные на произволъ судьбы люди, которые, пока могутъ имѣть разумѣніе жизни, то живутъ имъ, но когда потеряютъ его, то уже никто и ничто не можетъ помочь имъ. Вѣра въ пострадавшаго за насъ Иисука, молитва Ему о помощи для нихъ недоступны; напротивъ, они прямо учатъ, что молиться не надо вовсе, а нужно служить Богу добрыми дѣлами.

Но если православное представление личного Бога дѣйствительно благодѣтельнѣе для нравственной жизни, то можетъ быть оно неудобопрѣемлемо для мысли, можетъ быть послѣдняя только и можетъ примириться съ ученіемъ о безличной, абсолютной любви, о высокомъ разумѣніи жизни, вместо Бога? Личная ли религія Церкви, которая не знаетъ разума безъ Разумѣющаго, любви безъ Любящаго, спасенія безъ Спасителя, возрожденія безъ Духа Освятителя, или ученіе нового евангелія, исключающаго личность изъ нравственныхъ понятій—болѣе соответствуетъ истинѣ? Непосредственное наше сознаніе и философія всѣхъ школъ говоритьъ, что нравственное тѣмъ и настолько отличается отъ всего, не входящаго въ область морали, что первое тѣснѣйшимъ образомъ связано съ идеей личности. Ни дереву, ни водѣ, ни представленію, ни чувству не могу я приписать никакого нравственного или противонравственного признака. «Нѣть ничего, что бы я могъ назвать добрымъ, говорить Кантъ, кромѣ воли личнаго суще-

ства». Только въ личности находится корень нравственности, добра.

Разумѣніе жизни было всегда, но кто былъ Разумѣющій? Божество, живущее въ людяхъ. Итакъ, въ людей нѣть разумѣнія: оно только въ нихъ, и то во время ихъ доброго настроенія. Это ли вѣра въ безусловное значеніе добра, когда его нѣть нигдѣ въ нашихъ идея? Этотъ полнѣйшій субъективизмъ (произвольность) религіи простирается такъ далеко, что авторъ считаетъ совершенною нелѣпостью мысль о томъ, чтобы нравственный міропорядокъ отражался и на природѣ материальной. Онъ совершенно раздѣляетъ міръ внутренній отъ вицѣнія, признаетъ два совершенно отдельныхъ рожденія человѣка по плоти и по духу, и допуская мысль о подчиненіи духа плоти, съ ужасомъ отвертывается отъ тѣхъ разсказовъ Евангелія, въ которыхъ изображается подчиненіе матеріи нравственному началу, т. е. о чудесахъ. Въ этихъ разсказахъ Евангеліе показываетъ, что все подъ солнцемъ подчиняется не физической, но нравственной цѣли, и если послѣдняя того требуетъ, то разверзается глубина моря, останавливаются свѣтила небесные, звѣзды указываютъ путь къ Солнцу правды, море и вѣтеръ слушаются Его гласа.

Не такъ по передѣланному евангелю: тамъ слѣпая мертвая необходимость царитъ надъ жизнью; плоть и матерія чужды послушанія духа; она, эта плоть, носить въ себѣ начало всякаго зла, и только сознающій смыслъ жизни побѣждаетъ зло чрезъ отрѣшеніе отъ жизни плотской. Поэтому, если понизится настроеніе духа человѣка, если закрадется въ его душу сомнѣніе относительно дѣйствительности жизни духа, то ничто его не поддержитъ. Ни въ жизни настоящей, ни въ исторіи не увидитъ онъ дѣйствующей руки Творца въ произвольнаго настроенія людей. Только плоть и смерть безъ воскресенія представнутъ его мысленному взору. Въ минуты нравственнаго просвѣтленія онъ можетъ сознавать, что это добро вѣчно, что хотя онъ, какъ личность, умреть, и исчезнетъ, но присущая ему духовная жизнь сольется со своимъ вѣчнымъ началомъ; а теперь, когда онъ усомнился въ дѣйствительности этой духовной жизни, ему кажется, что если она только существуетъ въ людяхъ, то съ истребленіемъ человѣческой личности истребляется и все доброе въ ней, насколько добро существуетъ только въ личности. Мрачный пессимизъ и материализмъ являются ничѣмъ неопровергими для него теоріами и онъ

съ ужасомъ видѣть, что и впредь отъ минутнаго его настроенія будетъ зависѣть, считать ли духъ основой всего, или матерію; послѣдня всегда предъ нимъ, смерть не отступаетъ отъ его взоровъ, а духъ, и самоотверженіе, и любовь онъ сознаетъ лишь въ минуты просвѣтленія. Нужно ли, напротивъ, подробно объяснять на жизненныхъ примѣрахъ, насколько вѣра въ личное бессмертие возвышаетъ духъ человѣка надъ искушеніями минуты? Взглянемъ на народъ нашъ, который тверже господъ убѣждень въ загробномъ воздаяніи. Не страхъ и не корысть руководитъ имъ при мысли о воздаяніи, но ясное сознаніе призрачности этой жизни, и истинности той. Отцы церкви учили, что рай и адъ начинаются въ душѣ человѣка здѣсь на землѣ, смотря по его настроенію, а смерть только откинетъ потемнѣніе его разума плотью, и нравственный обликъ отразится послѣ смерти съ полной ясностью.

Слѣдовательно, личное бессмертие, независящее отъ нашего настроенія, есть вѣрное побужденіе къ борьбѣ со зломъ, а бессмертие безличное, какъ произвольное чувство, не можетъ служить побужденіемъ. Проповѣдуя вѣру въ Бога, въ голосъ нашей совѣсти и въ вѣчную жизнь, и указывая въ этомъ всю цѣль нашего земного существованія, новое ученіе этимъ не разнится отъ Православія, а разнится тѣмъ, что признаетъ все эти три вѣрованія произвольными, безпредметными, отрицая личнаго Бога, личность и свободу человѣка и личное бессмертие, оно предлагается вѣру въ такія начала, которыхъ само же уничтожаетъ.

Такъ, мы сравнили новое евангеліе со старымъ по отношенію къ нравственной жизни въ слѣдующихъ пунктахъ: 1) въ вопросѣ о потребности или ненужности догматовъ; 2) въ вопросѣ о личномъ или безличномъ Богѣ; 3) въ вопросѣ о промыслѣ или физической необходимости, и 4) въ вопросѣ о вѣчности жизни,—или, обобщая три послѣдніе вопроса: въ личномъ или безличномъ характерѣ рожденія, жизни и бессмертия человѣческаго.

III. Христосъ-Спаситель.

Пройшлый разъ мы изслѣдовали нравственное достоинство вѣрованій Православной Церкви сравнительно съ идеями передѣланнаго евангелія. Мы видѣли, что вѣра въ личнаго Бога, въ Его промыслъ и въ личную вѣчную жизнь человѣка соста-

влять необходимое побуждение человеку бороться со своею злой волею и покорять свои злые стремления добрымъ. Мы видѣли, что, признавая вмѣсто Бога безличное разумѣніе жизни, человекъ только до тѣхъ поръ можетъ ему подчиняться, пока находится въ добромъ настроеніи, но когда его умъ обуреваютъ плотскія или духовныя страсти, когда разумѣніе жизни ими помрачается, то, не признавая виѣ своего разума никакой самодовѣрющей истины, человекъ остается при чистѣйшемъ материализмѣ, при неопровергнутомъ ничѣмъ нигилизмѣ.

Какъ бы кто ни разсуждалъ о значеніи нравственности, но по общему опыту людей и по признанію какъ старой, такъ и новой вѣры, полное совершенство достигается человѣкомъ съ великимъ трудомъ, посредствомъ многолѣтней борьбы, победителемъ изъ которой выходитъ далеко не всякий. Поэтому главное достоинство всякаго ученія нестолько въ томъ состоитъ, чтобы указать совершенство добродѣтели, сколько въ томъ, чтобы дать достаточно сильныхъ побужденій стремиться къ этому совершенству.

Но если передѣланное евангеліе не даетъ такихъ побужденій въ своемъ учениѣ о Богѣ и человѣкѣ, то можетъ быть его учениѣ о личности и искупительномъ дѣлѣ Иисуса Христа изобильно восполняетъ недостатки? Можетъ быть, дѣйствительно, въ этихъ пунктахъ оно является возвышеніемъ, чѣмъ православіе?

Заслуга Господа нашего Иисуса Христа по новому учению заключается въ томъ, что Онъ открылъ людямъ разумѣніе жизни. Но если весь смыслъ жизни, согласно этому учению, написанъ на сердцахъ людей и заключается въ исполненіи пяти заповѣдей, то что особеннаго сдѣлалъ Иисусъ Христосъ кромѣ того, что, какъ выражается авторъ, выяснилъ наиболѣшимъ образомъ приложеніе этихъ заповѣдей къ быту человѣческому? И, дѣйствительно, по другому сочиненію автора выходитъ, что христианство не въ Христѣ, а въ пяти заповѣдахъ, независимо отъ ихъ происхожденія. Представьте себѣ добродушнаго семьянина въ сельской жизни, которому не приходится воевать, судиться и присягать, которому всего довольно и онъ никого не обижаетъ — вотъ вамъ и высшій идеалъ христианства по передѣланному евангелію. Но не заключается ли въ этой его отрѣщенности отъ лица Иисуса Христа и его высшее нравственное достоинство? Такъ и хо-

четь представить дѣло авторъ, когда говорить, что Церковь освободила человѣка отъ обязанности жить добродѣтельно, убѣдивъ его, что всѣ грѣхи за него совершилъ Адамъ, а все освященіе онъ получитъ совершенно независимо отъ своего настроенія, благодаря воплощенію и страданію за него Сына Божія. Итакъ, по новому ученію, то обстоятельство, что Церковь ставить подвигъ нашего спасенія въ тѣсную связь съ подвигомъ Иисуса Христа, является какъ бы униженіемъ самого подвига.

Самые догматы грѣхопаденія, воплощенія, искупительной смерти, воскресенія и ниспосланія Св. Духа, являются по этому ученію пустыми баснями, выдуманными людьми для освобожденія себя отъ исполненія пяти заповѣдей посредствомъ перенесенія всего на Бога. Но посмотримъ, не признаетъ ли нѣкоторой, хотя относительной, связи между добродѣтелью и страданіями Христовыми и передѣланное евангеліе? Да, признаетъ, и она выяснена въ толкованіи прощальной бесѣды Господа.

По смыслу этого отрывка, «смерть Иисуса», какъ принятая за засвидѣтельствованіе истины, «нужна для утвержденія истины. Смерть Его, при которой Онъ не отступаетъ отъ истины, утвердить учениковъ и они поймутъ: въ чемъ ложь и въ чемъ истина; ложь въ томъ, что люди вѣрятъ плотской жизни, и не вѣрять въ жизнь духа, а истина—въ соединеніи съ Отцемъ, и что изъ этого выходитъ побѣда духа надъ плотью. Когда Его не будетъ, то духъ Его будетъ съ учениками» (къ Иоан. XIV). Итакъ, вольная смерть Иисуса Христа за свое ученіе является необходимымъ условиемъ для того, чтобы духъ этого ученія вселился въ души его учениковъ, чтобы они ясно увиѣли силу истины пяти заповѣдей, увидѣли ихъ жизненное значеніе, а не отвлеченню только правду.

Посмотримъ теперь, чей примѣръ можетъ быть дѣйствительнѣе для подвига добродѣтельной жизни—нашего ли Христа, или новоизмышенного. Конечно, нѣкоторое значеніе въ этомъ смыслѣ можетъ Онъ имѣть и по этому новому представленію о Немъ: Мы видѣли выше, что мысли о безличности Бога не могутъ подкрѣпить борющуся со зломъ волю человѣка, а потому если она поддерживается примѣромъ праведника, который жизнь свою положилъ за идею и оставался ей вѣренъ во время своего земного существованія, то, конечно,

примѣръ этотъ оказываетъ не послѣднюю услугу добродѣтели. То же значеніе имѣеть, между прочимъ, и православное представление подвига Христова по слову Апостола: «терпѣніемъ да течемъ на предлежащій намъ подвигъ, взирающе на Начальника вѣры и Совершителя Іисуса, иже вмѣсто предлежащія Ему радости претерпѣ крестъ» (Евр. XII, 1—2). Примѣръ подвига Господа Іисуса долженъ воздѣйствовать на послѣдователей и нашего и передѣланного евангелія, но на кого сильнѣе? На тѣхъ, кто представляетъ Его подвиги возвышенїе, Его истину свѣтлѣе, Его жизнь безпорочнѣе. По учению Православія, Господь имѣлъ свободную человѣческую волю, но побѣжалъ всѣ искушенія грѣха, ни на минуту не поддаваясь искушениямъ; также ли великъ Его подвигъ по передѣланному евангелію? Также ли безпорочно Его ученіе? Посмотримъ. Прежде всего, почему Іисусъ Христосъ исповѣдалъ Себя Сыномъ Божімъ, по той ли причинѣ, что Онъ и былъ воплотившійся Разумъ, Слово Божіе, истинный Богъ, какъ говорится въ молитвѣ, «не потерпѣвшій видѣть мучимаго грѣхомъ рода человѣка и принялъ зракъ раба для того, чтобы пасъ освободить отъ рабства», — или по другой причинѣ? По новому ученію Онъ былъ простой человѣкъ, не знаяшій своего отца и привыкшій съ дѣтства называть отцемъ Своимъ Бога. Вотъ изъ какой неприглядной случайности начало сыновства по новому ученію. Затѣмъ, имѣя 30 лѣтъ, Іисусъ пришелъ къ Іоанну Крестителю и ему полюбилась проповѣдь его о милосердіи и человѣколюбіи, о побѣдѣ духовной жизни надъ плотскою. Но не сразу, будто бы, понялъ ея сущность Іисусъ. Въ сочиненіи *«Ma religion»* говорится, что Онъ сначала представилъ себѣ торжество духа надъ плотью въ томъ, чтобы ничего не єсть, и съ этой цѣлью томилъ себя голодомъ, какъ могъ, даже думалъ вовсе уничтожить свое тѣло чрезъ самоубійство; но, размысливъ, Іисусъ понялъ, что надо подчиняться необходимымъ влечениямъ плоти, потому что такова воля Божія, — и началъ проповѣдывать Свое ученіе. Когда Его рѣшили предать смерти за Его ученіе, когда именно Іуда пошелъ за стражей, чтобы схватить Іисуса, то, по словамъ передѣланного евангелія, «на Него напалъ страхъ и Онъ съ учениками пошелъ въ садъ, чтобы скрыться». Ученники обѣщали его защищать, на что Онъ отвѣчалъ: «если такъ, то приготовьтесь къ защищѣ, заберите съ собою запасы, потому что придется скрываться,

и заберите оружие, чтобы защищаться. Ученики сказали, что у нихъ есть два ножа. И когда Иисусъ услыхалъ это слово о ножахъ, на него напала тоска».

Когда за идею умираетъ человѣкъ непоколебимый, то онъ этимъ внушаетъ къ себѣ уваженіе, но еще не обусловливается твердость своихъ послѣдователей, потому что имъ часто можетъ прийти на мысль: а можетъ быть онъ, при всей своей искренности, заблуждался, какъ многіе изувѣры, терпѣвшіе мученическую смерть за самыя безумныя заблужденія. Но если за идею пошелъ на смерть человѣкъ, встрѣтившійся съ нею случайно, понявший ее послѣ различныхъ нелѣпыхъ попытокъ самыхъ странныхъ ея приложеній, если онъ, когда пришлось за нее пострадать, не могъ найти въ себѣ столько твердости, сколько находятъ въ себѣ даже чисто политические дѣятели, если онъ изъ страха смерти предъ своими учениками явно отрекается отъ той заповѣди, въ которой полагалъ всю сущность своего ученія — чтобы не противиться злому противъ зла, если только случайное упоминаніе о ножахъ заставило его одуматься и искать подкрѣпленія: то скажите, много нравственной силы можетъ внушить намъ примѣръ такого человѣка? Вмѣсто бодрости при испытаніяхъ не заставить ли онъ думать такъ: если лучшій изъ людей Иисусъ, котораго столько сотъ миллионовъ людей отъ начала вѣка считаютъ Сыномъ Божіимъ, если и Онъ-то совершило потерять присутствіе духа и отрекся было отъ первѣйшей заповѣди Своего ученія, то мнѣ ли бороться съ искушеніями плоти, жертвовать ради пяти заповѣдей свою жизнью, своимъ покоемъ, своимъ наслажденіями? Видно не много силы имѣеть ученіе новаго евангелія, если лучшій изъ людей не рѣшался за него умереть, когда многіе готовы умирать безъ страха даже за любыя политическія химеры, за безумныя бредни фантазіи. Если такъ мало могло воодушевить новое евангеліе своего основателя, то дастъ ли воспоминаніе о немъ бодрости для подвига? Дало ли оно ее кому-либо на самомъ дѣлѣ? Нѣтъ, въ новомъ евангеліи хотя Иисусъ и обѣщаетъ ученикамъ Своимъ, что духъ Его ученія послѣ Его смерти вселится въ нихъ, но оказалось, что они процовѣдали не Его ученіе, а какое-то другое: учили о Его Божествѣ, о Его воскресеніи изъ мертвыхъ,—на чемъ основывали всю свою проповѣдь,—учили о паденіи Адама, объ искупленіи всѣхъ страданіями Христовыми, учили о церкви, о благодати и тайнѣ

ствахъ, обѣ іерархіи. Поэтому авторъ передѣланнаго евангелія отвергаєтъ и Дѣянія и Посланія Апостоловъ и представляетъ дѣло такъ, что ученіе Христово 18 вѣковъ осталось совершенно искаженнымъ и только теперь возстановляется въ первоначальной чистотѣ.

Итакъ, если Іисусъ Христосъ и самъ не былъ достаточно сильно убѣжденъ въ Своемъ ученіи, и апостоловъ не умѣль научить ему, то неужели Его личность можетъ имѣть вдохновляющее значеніе для теперешнихъ людей, неужели можно назвать Его именемъ, именемъ христіанства, исполненіе заповѣдей новаго евангелія?

Обратимся къ разсмотрѣнію того значенія, которое имѣеть нравственный образъ нашего Господа по православному ученію. Предвѣчное Слово Божіе, единородный Сынъ Отца въ предвѣчномъ совѣтѣ благоволилъ искупить отъ грѣха родъ человѣческій; когда дѣйствительно люди отступили отъ Бога и, предаваясь неистовству страстей, истребляли другъ друга; когда надъ цѣлымъ міромъ тяготѣло зло и заблужденіе, а всѣ высшія стремленія человѣческія оказывались безсильными; еще тогда въ избранномъ народѣ изъ поколѣнія въ поколѣніе передавалось утѣшеніе о томъ, что придетъ Нѣкто, кто одолѣетъ тяготѣющій надъ міромъ грѣхъ и осмыслить Собою безсильную пока борьбу людей со зломъ. Это чаяніе высшаго праведника давало твердость въ скорбяхъ патріархамъ и царямъ іудейскимъ и исполняло ихъ вѣрой, что надъ всею этой мірской грязью, надъ постояннымъ видимымъ торжествомъ неправды и посмѣянія добра, возвышается нѣкій *высший смыслъ*, управляющій событиями жизни человѣческой, нѣкая Божественная личная Премудрость благословляетъ угнетеннаго праведнаго страдальца и поддерживаетъ ослабѣвающихъ. Эта совѣчная Отцу небесному Премудрость придетъ нѣкогда на землю и соберетъ во едино весь міръ не мечемъ, но проповѣдью. Ея пришествіе не будетъ мгновеннымъ, чуждымъ всему доброму, что было раньше: нѣть, ни одно доброе дѣло на землѣ не обходилось безъ нея, но всѣ ею соединялись во едино и соблюдаются ко дню воздаянія. Вотъ что говорится о ней въ Ветхомъ Завѣтѣ: «она между народами, смѣшанными во единомысліи зла, нашла праведника и соблюла его неукоризненнымъ предъ Богомъ, и сохранила мужественнымъ въ жалости къ сыну. Она во время погибели нечестивыхъ спасла праведнаго, который избѣжалъ огня, нисшедшаго на

пять городовъ... Праведнаго, бѣжавшаго отъ братняго гнѣва, она поставляла на праведные пути, показала ему царствіе Божіе и даровала ему познаніе святыхъ и помогала ему въ огорченіяхъ и обильно наградила труды, дабы онъ зналъ, что благочестіе всего сильнѣе. Она не оставила проданнаго праведника, но спасла его отъ грѣха; она нисходила съ нимъ въ ровъ и не оставляла его въ узахъ, и даровала ему вѣчную славу. Она освободила святой народъ и непорочное сѣмя отъ народа, угнетавшаго его. Вопila въ душу служителя Божія и противостояла страшнымъ царямъ чудесами и знаменіями. Она воздала награду святымъ за трудъ и вела ихъ дивнымъ путемъ: и днемъ была имъ покровомъ, а ночью звѣзднымъ свѣтомъ. Она перевела ихъ чрезъ Чермное море и провела сквозь большую воду» и т. д. (Прем. Солом. X). Итакъ, еще задолго до пришествія своего, по ученію Православія, Господь проявлялся въ добродѣтели человѣческой и вся она сводилась ко Христу, осмысливалась Имъ. Эта-то вѣра въ торжество добра въ лицѣ праведника, въ которомъ воплотилась руководящая міромъ Премудрость, это-то чаяніе Христа, по Апостолу, и укрѣпляло праведниковъ Ветхаго Завѣта. «Всѣ они (Евр. XI) издали видѣли обѣтованія и радовались, и говорили о себѣ, что они странники и пришельцы на землѣ; ибо тѣ, которые такъ говорятъ, показываютъ, что они ищутъ отечества... Они стремились къ лучшему, т. е. небесному... Вѣрою Моисей, пришедши въ возрастъ, отказался называться сыномъ дочери фараоновой, и лучше захотѣлъ страдать съ народомъ Божімъ, нежели имѣть временное грѣховное наслажденіе, и поношеніе Христово почель бѣльшимъ для себя богатствомъ, нежели египетскія сокровища... И что еще скажу? Не достанетъ мнѣ времія повѣстовать о Гедеонѣ, о Варакѣ, о Самсонѣ, о Іевфаѣ, о Давидѣ, о Самуилѣ и другихъ пророкахъ, которые вѣрою побѣждали царства, творили правду... Иные испытали поруганія и побои, а также и узы, и темницу; были побиваляемы каменіями, перепиливаемы, подвергаемы пыткѣ; умирали отъ меча; скитались въ милотахъ и козыихъ кожахъ, терпя недостатки, скорби, озлобленія. Тѣ, которыхъ былъ недостоинъ весь міръ, скитались по пустынямъ и горамъ, по пещерамъ и ущельямъ земли». Какъ «начальникъ и совершитель ихъ вѣры» и является по слову Апостола Іисусъ, «Который вмѣсто предлежавшія Ему радости претерпѣлъ крестъ, пренебрегши посрамленіе, и возвѣль одесную пре-

стола Божія». Если теперь Апостолъ прибавляетъ: «помыслите о претерпѣвшемъ надъ Собою такое поруганіе отъ грѣшниковъ, чтобы вамъ не изнемочь и не ослабѣть душами вашими», то понятно, какое дѣйственное значеніе можетъ имѣть это напоминаніе, когда, т. е., подвигъ Христовъ, является не просто примѣромъ геройства послѣ колебаній, не просто образцомъ извѣстной добродѣтели, но дѣйствительнымъ закономъ или идеаломъ всей исторіи человѣчества, когда онъ есть подвигъ не сомнительного филантропа, но вѣчнаго личнаго Разума, Сына Божія, чрезъ Котораго управлялась отъ вѣка жизнь и сохранилось все доброе. Въ Его подвигѣ, такимъ образомъ увѣнчиваются всѣ праведные страдальцы, ибо тогда было показано, что эти-то страданія за правду, эта борьба не есть случайность на землѣ, но что въ этомъ, въ добродѣтели, заключается смыслъ всего мірового разума, что этотъ подвигъ принимаетъ на себя самъ Богъ, сходящій на землю. Нѣтъ мѣста для колебаній въ жизни, нѣтъ искушеній сомнѣваться въ законности и важности добродѣтели, когда ради нея приходится страдать: на то и Богъ явился среди людей, не для того, чтобы захватывать могущество и власть, но чтобы бороться съ искушеніями діавола, чтобы страдать за добро, за истину!

Но такъ какъ въ этомъ добрѣ и истинѣ заключается самая жизнь, въ ней заключается она, а не въ богатствѣ или здоровьѣ, то, по слову Писанія, смерть не могла держать въ своихъ нѣдрахъ воплощенаго Блага, и Оно воскресло въ третій день. Итакъ, ученіе о Божествѣ Страдальца Христа не отдаляеть отъ насъ Его подвига, но приближаетъ, ибо возводитъ этотъ подвигъ до степени высшей, вѣчной всемирной правды. Ученіе о воскресенії, вовсе отвергаемое новымъ ученіемъ, говорить о томъ, что добро и правда не могутъ подавляться физическою смертью, но господствуютъ надъ нею. Вотъ почему писаль Апостолъ: «если Христосъ не воскресъ, то суетна наша вѣра, если Христосъ не воскресъ, то вы еще во грѣхахъ. И если мы въ этой только жизни надѣемся на Христа, то мы несчастнѣе всѣхъ человѣкъ» (І Кор., 15). Дѣйствительно, чтобы вѣрить въ подвигъ Христа, какъ въ высшую правду, мало будетъ признать правоту Его ученія, ибо природа наша всегда готова омрачиться страстями и усомниться въ величіи и законности самаго добра. Но если мы будемъ знать, что оно принято было въ жизненный под-

вигъ не человѣкомъ, а Сыномъ Божіимъ, если будемъ вѣрить, что вѣчный и самодовѣюЩій Богъ ради той же любви, которой научаетъ насть, и Самъ сошелъ на землю и жилъ съ нами, принявъ наши немощи, если Онъ за этотъ законъ добра и смерть принялъ отъ тѣхъ, кого Самъ создалъ изъ пыли земной, если и въ уничиженіи Его добро не только не по-темнилось въ Своемъ достоинствѣ, но прославилось, такъ что не злые только люди, но даже самые законы природы оказались безсильными воспрепятствовать жизни Его: то какъ ии-
чтожны и случайны, и низменны должны казаться намъ православнымъ всѣ искушенія плоти и міра! Съ какою радостною готовностью можемъ мы идти на смерть по увѣренности, что подобный Христу въ смерти и въ воскресеніи подобенъ будеть! Съ какою радостью, съ какимъ нравственнымъ одушевленіемъ поэтому и теперь должны мы воспоминать воскресеніе Христово изъ мертвыхъ! Понятно, почему праздникъ Пасхи такъ умягчаетъ сердца человѣческія, такъ просвѣтляетъ даже и злыхъ-то людей любовью и всепрощеніемъ. И это знаетъ авторъ передѣланнаго евангелія и описываетъ его въ разсказѣ «Свѣтка», гдѣ праздникъ воскресенія Христова научаетъ человѣка прощать и терпѣть обиду, утѣшая свое сердце пасхальными пѣснопѣніями. «Воскресенія день и просвѣтимся торжествомъ и другъ друга обымемъ, раемъ братіе и пена-видящимъ насть простимъ вся воскресеніемъ!» поетъ церковь и разъясняетъ то великое нравственное значеніе, какое имѣеть догматъ воскресенія Христова для людей, и какого безъ нужды лишаются послѣдователи новаго ученія единственно по неправильному пониманію Православія.

Но если подвигъ добродѣтельной жизни Христа, какъ Сына Божія, превышаетъ его подвигъ, если бы Онъ былъ только человѣкомъ, превышаетъ потому, что является подвигомъ добровольнымъ: то это превосходство выяснится для насть съ еще сильнѣйшею убѣдительностью, если мы примемъ во вниманіе, что, по православному пониманію, дѣло Христово далеко не ограничивается тѣмъ, что Онъ далъ намъ примѣръ добродѣтельной жизни. Онъ исповѣдуется церковью, какъ Искупитель. Говорять, что высшая любовь заключается въ самоотверженіи, въ принятіи на себя нуждъ другого. Мы съ уваженіемъ относимся къ человѣку, принимающему на себя или материальную нужду ближняго или его нравственное горе, участвующему душою въ его успѣхахъ или неудачахъ. Но это

еще не высшая степень любви. Если мы помогаемъ бѣдному или утѣшаемъ печального, то все-таки въ нашемъ къ нему участии побужденіемъ служатъ какія-либо его достоинства. Но бываетъ, что человѣкъ падаетъ въ нравственномъ отношеніи такъ низко, что всѣ отъ него отворачиваются. И тутъ-то остается при немъ одна любовь, любовь матери. И чѣмъ ниже падаетъ человѣкъ, тѣмъ нѣжнѣе любить его мать, принимая въ свою душу всѣ его грѣхи и мучась ими день и ночь. Эту-то высшую степень любви къ грѣшному роду человѣческому возымѣлъ Сынъ Божій; Онъ принялъ въ Свою безгрѣшную душу всѣ беззаконія, всѣ проклятія, которыя покрывали землю отъ грѣха Адама, отъ убийства Кaina, до грѣха Его собственныхъ убийцъ, до всякаго прегрѣшенія подъ солнцемъ; принялъ всѣ наши отступленія отъ добра къ Своему чистому сердцу еще крѣпче, чѣмъ мать грѣхіи своего сына, и этимъ-то страданіемъ о грѣхахъ нашихъ, этою-то пролитою за насъ кровью омыла наши беззаконія. Вотъ какова Христова любовь по учению Православія. Она еще не уничтожила нашей грѣховности, не сдѣлала для насъ излишнимъ стремленіе къ добродѣтели, въ чемъ обвиняетъ православную вѣру передѣланное евангелие, но въ томъ смыслѣ искупилъ грѣхіи наши Господь, что благодаря Его крестному подвигу намъ дарована возможность чрезъ духовное съ Нимъ единеніе уничтожить содѣянные нами грѣхи, избавиться отъ нихъ какъ бы отъ небывшихъ и приближаться къ Богу «добродѣтелю и покаяніемъ». Итакъ, кромѣ того, что искупительный подвигъ возвышаетъ безмѣрно любовь Христову, по представленію Православія, надъ Его любовью, по новому учению, догматъ этотъ имѣть для нравственной жизни еще то великое преимущество, что убѣждаетъ всякаго человѣка борющагося со зломъ, видящаго какъ это зло господствуетъ и въ жизни общественной, и въ его собственной душѣ, убѣждаетъ его въ томъ, что все-таки это видимое торжество зла есть призрачное, что оно побѣждено крестомъ Христовымъ, а «князь міра сего осужденъ есть». Нагляднымъ разъясненіемъ этой мысли служить разнородное отношеніе къ міровому и внутреннему злу со стороны людей вѣрующихъ и невѣрующихъ въ Искупителя. Смотрите на человѣка, не знающаго Его: какъ онъ злостно мучится зломъ и въ себѣ, и въ другихъ; смотрите на всѣхъ этихъ Евгениевъ Онѣгинъ, Героевъ нашего времени, Рудинъ, Райскихъ, Раскольниковыхъ: они ненавидятъ зло,

но не приходятъ къ добру, кончаютъ отчаяніемъ и самоубийствомъ; они предвкушаютъ то состояніе, которое, по ученію церкви, ожидаетъ въ аду грѣшниковъ: мучиться зломъ и не имѣть возможности преоборотъ его, ибо оно-то и представляется для нихъ основой міра. И что же? Совершенно подобное отчаянное настроеніе обнаруживаетъ и авторъ новаго евангелія въ извѣстномъ письмѣ къ Гильдебранту. Не такъ вѣрующій народъ: «хоть грѣшникъ я—говорить онъ—но Божій»; количество зла печалитъ его, но не лишаетъ надежды, ибо добра, онъ знаетъ, еще больше, и съ вѣрою взываетъ не отъ своего лица только, но отъ лица всего міра: «въ безднѣ грѣховной валяся неизслѣдимую милосердія Твоего призываю бездну!»

IV. Духъ-Освятитель.

Новое евангеліе отрицаєтъ и личность Утѣшителя—Духа Святого, и благодать. Оно утверждаетъ, что христіанство выдумало ученіе объ Освятителѣ—Духѣ Святомъ для того же, что и ученіе объ Искупителѣ, т. е. для избавленія людей отъ обязанности исполненія заповѣдей по той мысли, что благодать-де сама все сдѣлаетъ за тебя.—Кто развивалъ учение о благодати? Апостолъ Павель, постоянно боровшійся противъ зла и ставившій любовь выше вѣры и надежды; бл. Августинъ, всю почти жизнь сражавшійся съ искушениями грѣховъ и вышедший славнымъ побѣдителемъ. И еслибы эти люди, дѣйствительно, даже самовольно изобрѣли какое-либо ученіе, то отнюдь не такое, что могло бы потворствовать злу. Но мы не будемъ изслѣдовать, насколько незаконно отношеніе передѣланного евангелія къ словамъ Іисуса Христа о благодати, а посмотримъ, какое значеніе для добродѣтельной жизни имѣетъ ученіе о Духѣ—Святомъ Утѣшителѣ и Его благодатныхъ дарахъ.

Припомнімъ слова, что нравственная жизнь людей не есть моментальное воплощеніе совершенства, но самовоспитаніе, постепенное приближеніе каждого къ совершенству. Представьте себѣ ребенка, начинающаго ходить. Ребенка зоветъ къ себѣ мать, онъ встаетъ съ пола на свои слабыя ножки; страхъ упасть и разбиться его охватываетъ еще раньше, чѣмъ онъ выпрямится; онъ отъ одного сомнѣнія готовъ упасть, но видѣть, что мать идетъ къ нему на встрѣчу, протягивая

руки, и онъ, надѣясь на ея поддержку, съ радостью устремляется впередъ.

Взгляните теперь на жизнь. Вотъ я и вѣрю въ ея суность, вѣрю въ Бога, и въ Иисупителя, примирившаго меня съ Богомъ, вѣрю въ вѣчную жизнь. Но до Бога высоко, до Христа далеко—19 вѣковъ; пусть тверда моя вѣра, но вѣдь эта грязная, грѣховная жизнь еще настойчивѣе заявляетъ о своей дѣйствительности, насмѣшки и презрѣніе подавляютъ мое настроеніе, страсти плоти и себялюбивая гордость меня душитъ, колеблется даже моя вѣра; но я слышу голосъ: «вотъ Я съ вами во всѣ дни до скончанія вѣка. Аминь» (Ме. XXVIII, 20). Я открываю наше Евангеліе и нахожу указаніе о томъ, что люди ничего не потеряли при удаленіи Иисуса Христа отъ земли на небо, ибо Онъ, удалившись отъ наась плотью, не оставилъ наась, но ниспослалъ намъ Св. Духа, Который, какъ всегданій любвеобильный воспитатель, назираетъ надъ жизнью сердцъ человѣческихъ и тамъ, гдѣ высшія стремленія ихъ однако недостаточно сильны, чтобы удержать ихъ на высотѣ добродѣти, Самъ, будучи сокровищемъ блага и Подателемъ духовной жизни, восполняетъ недостатки и даетъ силу слабымъ. И вотъ, изъ разсѣянія суэтной жизни, возвращаясь къ добруму какому-либо начинанію, я съ вѣрою взываю: «Царю небесный, Утѣшителю, Душе истинный, пріди и вселися въ ны, и очисти ны отъ всякихъ скверны». Итакъ, не замѣненіе добродѣти обрядами представляетъ собою догматъ о Св. Духѣ и Его благодати, но непосредственное требованіе нашего стремленія къ совершенству. Если Творецъ міра благоволилъ не покинуть міръ сей на собственный его произволъ, но остался и его Промыслителемъ, то и Возстановитель мира между Богомъ и людьми, Устроитель міра христіанскаго не оставилъ его безъ помощи, но послалъ ему Освятителя Св. Духа.

Но неправда ли, что при такомъ тѣсномъ соединеніи съ Господомъ, нашимъ Творцомъ, Иисупителемъ и Освятителемъ, Который, по слову псаломпѣвца (СXXXVIII, 5), какъ бы «сзади и спереди объемлетъ меня и полагаетъ на меня руку Свою», я совсѣмъ могу погрузиться въ одно только созерцаніе Бога и забыть ближнихъ своихъ, весь тотъ міръ, въ которомъ я живу, и презирая нужды моихъ братій, размышлять только объ истинахъ Существа Божія и о Его ко мнѣ милосердії? Нѣть ли теперь опасности, что люди совершенно

отвернутся другъ отъ друга, праведные отъ грѣшныхъ, и забыть послѣднихъ, останутся пребывать въ самодовольномъ созерцані? Премудрость Божія предохранила людей и отъ подобнаго опаснаго искушенія. Она обѣщала даровать Св. Духа съ Его благодатными дарами не отдѣльному человѣку, не личному его настроенію, но подъ условiemъ его полнаго и внутреннѣйшаго общенія со всѣми, а особенно со стремящимися ко благу, ко Христу.

Люди склонны прятать все лучшее въ себѣ, а къ ближнимъ относиться съ холодно-формальной стороны; особенно, если у человѣка существуетъ опредѣленный внутренній центръ, который наполняетъ смысломъ всю его жизнь, то подобный человѣкъ какъ бы совершенно не нуждается въ сердечномъ отношеніи къ ближнимъ. И вотъ, чтобы великое ученіе Христово не увлекло насъ въ область созерцанія до полнаго забвения ближнихъ, для этого Господь, раскрывая намъ сокровищницу Своихъ благодатныхъ даровъ, соединяясь съ нами даже Своимъ пречистымъ тѣломъ и кровью, прибавляетъ: но все это я дамъ тебѣ не отдѣльно, а всѣмъ братіямъ твоимъ вмѣстѣ, будь съ ними едино, люби ихъ и имѣй съ ними общеніе при молитвѣ и при изученіи Моего закона, и на сколько ты будешь отрѣшаться отъ себялюбія и любить другихъ, на столько приблизишься ко мнѣ. Святые отцы представляли эту связь любви къ ближнимъ съ любовію къ Богу на подобіе круга. Центръ круга — Богъ, а люди стоять на концахъ его и идутъ къ центру, и на сколько они приближаются къ центру, на столько приближаются другъ къ другу. Какъ въ этомъ подобіи Господь въ срединѣ круга, такъ и на самомъ дѣлѣ Онъ — среди Церкви, виѣ ея иѣтъ приближенія къ Богу, не любя ближнихъ, по слову Апостола, нельзя любить и Бога. Эта-то любовь составляетъ ту заповѣдь, по слову Христову, исполненіе которой производитъ то, что отдѣльные люди соединяются другъ съ другомъ и со Христомъ, какъ вѣтви на лозѣ виноградной, и живутъ чистымъ сокомъ, исходящимъ изъ ствола, чистымъ, истиннымъ учениемъ. Та же вѣтвь, которая отпадаетъ отъ другихъ, высыхаетъ, ибо не можетъ уже болѣе никакимъ образомъ присоединиться къ стволу — къ Христу; Его иѣтъ для отдѣльныхъ себялюбивыхъ людей. Онъ раскрывается только всѣмъ вмѣстѣ въ Церкви. Церковь есть общеніе любви людей другъ къ другу и ко Христу: любовь эта творить единство, а оскудѣвающіе въ

любви при покаянії восполняются благодатію Св. Духа, даруемаго чрезъ Церковь въ таинствахъ. Впрочемъ прежде, неожели мы перейдемъ къ учению о таинствахъ и обрядахъ, посмотримъ, чѣмъ замѣняется въ передѣланномъ евангеліи учение о Церкви. Церковь отвергается имъ, она признается за понятіе противорелигіозное и безнравственное, а тѣ изречения Иисуса Христа, которымъ мы относимъ къ Церкви, разъясняются въ иномъ смыслѣ. Ученіе Его о лозѣ и вѣтвяхъ толкуется въ томъ значеніи, что жизнь и духъ всѣхъ людей есть единый; люди не имѣютъ самостоятельной, личной и свободной жизни, но всѣ суть проявленія, или вѣточки, одной жизни, одного дерева. Потому они и должны любить другъ друга, что они всѣ суть одно и то же, во всѣхъ нихъ живеть Богъ, Онъ же и Сынъ человѣческий, т. е. одинъ и тотъ же духъ. Бога нѣть въ людяхъ; люди—это тотъ же Сынъ человѣческий, Богъ, а каждый человѣкъ—лишь моментъ его жизни; человѣкъ есть отдѣльная личность, пока живеть, а когда умретъ и уничтожится, то присущія ему частички Божества разойдутся по другимъ людямъ. Итакъ, отдѣльныхъ свободныхъ личностей нѣть, а есть одно и то же Божество; поэтому, любя другихъ, человѣкъ собственно любить самого себя, и поэтому самая сущность вещей требуетъ, чтобы онъ любилъ своихъ близкихъ. Итакъ, люди и Церковь едино не потому, что Христова истина, Христовъ крестъ и Христова любовь создали это единство, а потому, что отдѣльныхъ людей и нѣть; они едино не настолько, насколько во имя свободной любви отказываются отъ себѧлюбія и соединяются съ Церковью, а настолько, насколько вовсе лишены Творцемъ всякой самостоятельности.

Теперь судите, какое единство, православное, или это новое, возвышенное и святое? Свободное, или необходимое? Если я люблю ближняго, потому что онъ—тотъ же я, то свята ли моя любовь? Стоитъ ли ради такой себѧлюбивой любви бороться? Можно ли ею-то воодушевляться? Богъ устроилъ такъ человѣческую природу, что умъ нашъ не можетъ принять и одобрить любви несвободной, любви, исходящей не изъ личного самоотверженія, но изъ необходимости, не можетъ одобрить любви къ самому себѣ. Вотъ почему мы хотя одобляемъ любовь семейную, но всегда съ большими уваженіемъ относимся къ любви между чужими, потому что здѣсь больше свободы, меньше природы. Поэтому един-

ство людей, которое основано на любви личной, свободной, на свободномъ самоотверженномъ подвигѣ Христа, на свободной любви къ Нему и другъ къ другу людей, на свободномъ и личномъ утверждениі и скрѣпленіи этой любви благодатью Св. Духа, такое единство, такая Церковь, гдѣ свободно соединяются Богъ и люди, живые и умершіе, духи бесплотные и бренные человѣки, высокіе праведники и кающіеся грѣшники, и всѣ устремляются единодушно въ приближеніи къ Богу—это есть истинная Церковь, вѣнецъ всѣхъ истинъ христианства.

Итакъ, въ Церкви каждый совершає свое спасеніе не отъ своего лица, но поднимаеть въ душѣ своей къ Богу и всѣхъ братій своихъ. Для того же, чтобы всегда и во всемъ помнить свое самоотреченіе, свою связь съ Церковью, существуютъ многочисленные обряды и установлениія, которые однако, по общему ученію всѣхъ отцевъ церкви, не сами по себѣ имѣютъ значеніе заслуги, а лишь какъ выраженіе или средство для любви и молитвы. Поэтому напрасно обвиняетъ насъ новое ученіе въ томъ, что мы любовь замѣняемъ таинствами и обрядами. Не всѣмъ ли известно, что недостойно исполненное установлениіе не только не считается средствомъ угодить Богу, но прогнѣвляетъ Его: «ядый бо и піай—причастіе—недостойно, въ судъ себѣ ясть и піетъ, и повиненъ бываетъ тѣлу и крови Христовой»? Таинства и обряды не вытѣсняютъ любовь, но ее-то и выражаютъ, почему и молится священникъ по освященіи даровъ: «нась же всѣхъ отъ единаго хлѣба и чаши причащающихся соедини другъ другу», и еще «Твой миръ, Твою любовь даруй намъ».

Человѣчество — это словесное стадо, принадлежащее пастырю — Христу; однѣ овцы слушаются Его, и Онъ водитъ воспитываетъ ихъ къ добру, а другихъ еще только старается привести въ «духовный Свой дворъ». Въ этомъ послѣднемъ смыслѣ всѣ ищущіе добра потенциальнно, т. е. въ возможності, принадлежать къ Церкви, и всѣхъ ихъ Христу «подобаетъ привести и гласъ Его услышать и будетъ едино стадо и единъ Пастырь». Вѣрныя овцы слушаютъ Его гласа и идутъ за Нимъ, но нерѣдко и заблуждаются отъ праваго пути, а потому нуждаются въ воспитательномъ вниманіи, чтобы не разсѣяться на распутяхъ жизни. Такъ какъ голое ученіе, состоящее изъ однихъ словъ, не можетъ всецѣло наполнить души обыкновенного, еще совершенствующагося человѣка,

то Господь благоволилъ, чтобы главнѣйшіе моменты развитія нашей нравственной воли были выражаемы въ извѣстныхъ священныхъ дѣйствіяхъ такъ, чтобы содѣйствующая нашему духовному росту сила Божія преподавалась бы въ извѣстномъ чувственномъ знакѣ, хотя непремѣнно подъ условіемъ и должнаго настроенія, ибо иначе она служить не во спасеніе, но въ погибель. Это—таинства, а обряды суть лишь молитвенныя обнаруженія любви къ Богу и любви другъ къ другу, т. е. Церкви. Но не была ли бы религія возвышенѣе, еслибы и любовь взаимная и благодать были бы отрѣшены отъ виѣпніхъ знаковъ? Посмотримъ, возможна ли передача мысли безъ наглядности. То же новое евангеліе вѣдь не выбрасываетъ ни притчъ, ни сравненій. Почему, вмѣсто притчи о блудномъ сынѣ, не сказать просто: покаяніе приближаетъ человѣка къ Богу? Почему и авторъ новаго евангелія всего убѣдительнѣе является тогда, когда проповѣдуетъ свои идеи въ формѣ разсказовъ? Почему, наконецъ, и Господь Иисусъ Христосъ дозволилъ помазать Себя миромъ, готовясь умереть, почему говорилъ, что Ему надлежитъ пребывать въ домѣ Отца Своего, т. е. въ храмѣ? Почему Самъ умывалъ ноги ученикамъ, сотворилъ причастную вечерю? Почему передѣланное евангеліе, такъ жестоко осуждая обряды отъ лица Иисуса, однако не выбросило и этихъ событий Его жизни? А потому, что истина можетъ выражаться съ одинаковымъ успѣхомъ и чрезъ логическія разсужденія, и чрезъ образные разсказы, и чрезъ картины, и чрезъ музыкальныя мелодіи, и чрезъ пластическія движенія. И только наша, воспитанная европейской схоластикой, односторонняя сухость является причиной отчужденія отъ обрядовъ, а того больше, отдаленность нашего сердца отъ тѣхъ евангельскихъ идей, которыхъ въ нихъ выражаются. Но за что же новое евангеліе такъ вооружается противъ Церкви? Оно ее обвиняетъ во всякомъ злѣ: въ насилии, въ одобреніи убийствъ, въ проклятіи еретиковъ, въ присвоеніи непогрѣшимости людямъ, въ уравненіи съ ученіемъ Христовымъ массы разныхъ катехизисовъ и исповѣданій и постановленій, во всемъ томъ, въ чемъ Господь обвинялъ фарисеевъ.

Въ томъ главное недоразумѣніе и причина печальныхъ заблужденій новаго евангелія, что оно, очевидно, никогда не понимало словъ: вѣрую во единую церковь. Сказано вѣрюю, а не признаю, вѣрюютъ въ иѣчто невидимое, по слову Апостола (Евр. XI, 1); а потому и та Церковь, которая есть

единая, святая, соборная и апостольская, не есть то, что мы прямо видимъ; единство, святость и апостольство принадлежитъ не администраціи церковной, не указамъ, исходящимъ отъ ея властей, а чему-то такому, во что надо вѣровать, чего нельзя видѣть. А съ видимымъ опредѣленіемъ Церковь выражалась во всей своей полнотѣ только семь разъ, въ постановленіяхъ семи вселенскихъ соборовъ, и въ нихъ нѣтъ ровно ничего такого, за что обвиняетъ ее новое евангелие. Правда, есть еще книги, а именно богослужебныя и нѣкоторыя отеческія, которыхъ, хотя не были всею Церковью одобрены, но содержатся всѣми ея сынами, но и въ этихъ книгахъ нѣтъ ничего, прогнѣвляющаго автора новаго евангелия.

Но что же Церковь? Гдѣ же она по вашему учепію? спросять насы. Она—въ православномъ обществѣ, но не все, что въ этомъ обществѣ дѣлается, дѣлается въ Церкви. Общество это имѣть много разныхъ сторонъ жизни: государственной, литературной, промышленной, художественной и проч.; но кромѣ того оно еще имѣть жизнь любви и вѣры, и вотъ насколько члены этого-то общества входятъ духовно въ эту міръ любви и вѣры, настолько они входятъ въ Церковь. Поэтому отдельно никто не можетъ быть названъ въ полномъ смыслѣ православнымъ, а лишь принадлежащимъ къ православной Церкви. Существуетъ, положимъ, благотворительное общество, члены его занимаются помощью бѣднымъ; но если они помимо этого обираютъ другихъ, каждый отдельно, или группами, если они бываютъ въ своей частной жизни жестоки, да и въ собраніяхъ общества перекоряются другъ съ другомъ, то осудимъ ли мы самую благотворительность? Нѣтъ, мы скажемъ только, что члены общества лишь одной стороной своей души входятъ въ это общество, а не предаются ему всесѣло, что они недостойные носители святой идеи,— а ее мы не унизимъ. Такъ и Церковь. Если члены ея много грѣшать, то показываютъ тѣмъ, что они лишь одной стороной своего существа принадлежать ей, что та богочеловѣческая жизнь, чуждая всякой нечистоты, «не имуща скверны, или порока», не всесѣло еще проникла въ жизнь этихъ людей, но охватываетъ ихъ только отчасти. Чѣмъ больше они грѣшать, тѣмъ болѣе сторонъ ихъ жизни выходятъ вѣнѣ Церкви, а Церковь, уменьшаясь, такимъ образомъ, въ количествѣ членовъ, всетаки нисколько не теряетъ святости. Вѣрить въ святость Церкви, значитъ вѣрить въ Св. Духа, живущаго между

людьми по священному обѣтованію. Въ томъ и заключается величие христіанства, чтобы не только вѣрить въ силу добра съ той стороны, что въ основаніи самоистребляющейся жизни міра лежитъ божественная мысль и любовь, что Господь все сотворилъ добрымъ, но и съ той стороны, что въ этомъ царствѣ всякаго зла, лжи, ненависти и себялюбія, которая господствуютъ надъ людьми, есть дѣйствующая лесница Божія, что тѣ крупицы добра, любви и вѣры, которые существуютъ здѣсь въ грѣшной жизни, не только не исчезаютъ даромъ, какъ болотные огоньки, но всѣ объединяются Св. Духомъ, всѣ возводятся ко Христу, что этимъ просвѣчивающимъ искрамъ добра раскрывается истина ученія евангельскаго, и единство съ Богомъ. Легко вѣровать Богу въ небѣ или въ величественныхъ стихіяхъ природы, но поклоняться Ему распятому, и живущему между грѣшными людьми, борюще-муся со зломъ здѣсь, между нами, вѣровать въ Его присут-ствіе въ жизни—вотъ что значитъ вѣровать не въ фантазіи, но по настоящему, вотъ что значитъ вѣровать въ Церковь.

V. Заповѣди Господни.

Разбирая нравственное учение книги «Ma religion» (Моя вѣра), русскіе писатели, основываясь на томъ, что въ ней сущность христіанской добродѣтели полагается въ пяти заповѣдяхъ: не ссориться, не развратничать, не божиться, не судиться и не дѣлать различія между отечествомъ и его вра-гами, — на эти-то пять заповѣдей и направляли свою кри-тику и старались то показать необходимость противленія злу, то оправдать присягу, суды и войну. Съ этой цѣлью они обращались и къ философіи, и къ логикѣ, и къ условіямъ жизни, и къ точному возстановленію и разъясненію словъ Христа Спасителя относительно перечисленныхъ предметовъ. Между тѣмъ авторъ и его послѣдователи полагаются вовсе не на доводы науки въ своемъ ученіи, а на его якобы нрав-ственную высоту. Не самая ли обычная фраза въ обществѣ: «мы не говоримъ о богословской и философской сторонѣ со-чиненій Толстого, но согласитесь же признать ея высокое нравственное ученіе? Поэтому, пока критика будетъ только разрушать нравственные идеалы Толстого посредствомъ раз-судочныхъ данныхъ,—подобная борьба будетъ казаться послѣ-дователямъ этого ученія борьбою холоднаго скептицизма съ

возвышенною истиною. Не разрушать, но противопоставлять высшие нравственные идеалы Православія—вотъ что должны дѣлать пастыри церкви по отношенію къ заблудшимъ овцамъ.

Апостолы, проповѣдуя міру божественную истину, смотрѣли, что есть въ людяхъ доброго, возвышенаго, чтобы къ этой сторонѣ жизни прикрѣпить ученіе благодати. Такъ апостоль Павель является въ Аѳінѣ съ проповѣдью о Невѣдомомъ Богѣ, Которому поклонялись жители, а евреи же, приверженныи къ іерусалимскому храму, пишетъ посланіе о новой нерукотворенной Скиніи, о Первосвященникѣ по чину Мелхиседекову. Разсмотримъ и мы ту сторону новой вѣры, которая составляетъ излюбленійшую матерію для ея послѣдователей, т. е. ученіе о перетолкованныхъ пяти заповѣдяхъ. Но прежде чѣмъ обратиться къ сравнительному разбору пяти заповѣдей, остановимся на общемъ определеніи въ новой вѣрѣ того подвига жизни, приложеніемъ котораго служить пять заповѣдей.

Подвигъ этотъ состоить въ любви, въ самоотверженіи; здесь новая вѣра совпадаетъ съ Православіемъ. Но не совпадаетъ она съ нимъ въ томъ отношеніи, что самый-то процессъ развитія любви она сводить не столько къ постепенному усиленію ея въ себѣ, сколько къ борьбѣ съ чувственностью, съ плотью. Вся жизнь опредѣляется по ученію новой вѣры какъ борьба духа съ плотью: «эта борьба между стремленіями къ жизни животной и жизни разумной лежитъ въ душѣ каждого человѣка и составляетъ сущность жизни каждого». Въ этомъ же сочиненіи (гл. XI) выясняется, что плотскія стремленія суть себялюбивыя, эгоистическія, а духовное начало не только прирождено Богомъ, но и есть Сынъ человѣческій, самый безличный Богъ, живущій въ людяхъ, поэтому единый во всѣхъ людяхъ, почему послѣдніе и влекутся другъ къ другу духомъ, любятъ другъ друга. «Единство Сына человѣческаго, любовь людей другъ къ другу, говорится тамъ, не есть, какъ мнѣ казалось прежде, цѣль, къ которой должны стремиться люди, — но ихъ естественное (т. е. наличное) блаженное состояніе, въ которомъ живутъ всѣ люди, пока состояніе это не нарушается обманомъ». Признаетъ духъ или разумъ за Божество, раздѣленное между людьми, авторъ новой вѣры, естественно, долженъ быть все духовное признать добрымъ, а все злое—плотскимъ. Въ по-

степенной побѣдѣ духа надъ плотью и заключается, по его ученію, совершенствованіе жизни.

Церковь тоже молится Богу о содѣйствіи намъ въ подвигѣ жизни, «да плотскія похоти вся поправше, духовное жительство пройдемъ»; она тоже учитъ о возвышеніи духа надъ плотью, какъ обѣ одной изъ существеннѣйшихъ цѣлей жизни, и осуждаетъ чувственные грѣхи, какъ-то: обѣяденіе, блудъ, роскошь, лѣпнъ и прочие грѣхи по молитвѣ пр. Ефрема Сирина. Церковь, затѣмъ, не раздѣляетъ ученія любви Христовой отъ разума, называя напротивъ свое богооткровенное ученіе высшою «Божьею силою и Божею премудростью», и воспѣвая въ день своего праздника: «Рождество Твое, Христе Боже наипъ, всесія мірови свѣтъ разума». Но она не ограничивается развитіемъ формальнымъ, развитіемъ разумности и духовности, а прежде всего заботится о томъ, чтобы наша духовность наполнялась извѣстнымъ содержаніемъ, не злымъ, но добрымъ. По новой вѣрѣ, зла сознательного, духовнаго, быть не можетъ, ибо разумъ есть Божество; зло только въ плотскомъ. А церковь кромѣ этого зла, кромѣ паденія по образу звѣрину, предостерегаетъ нась отъ тягчайшаго зла духовнаго, отъ паденій по образу сатанину, отъ гордости, отъ зависти, отъ честолюбія, отъ лжи, отъ ненависти, отъ наслажденія не плотью, но любой своей при видѣ мученій другихъ. Эти чисто духовные грѣхи, которые невозможно свести на чувственность, описаны мастерски отеческими писателями и выяснены въ жизненныхъ картинахъ Достоевскимъ. Если чувственность есть зло, если любовь къ своей плоти мѣшаетъ христіанскому совершенствованію, то еще болѣе противно ему себѧлюбіе по отношенію къ своему духовному я, поставленіе въ немъ цѣли своей жизни. Сочиненіе «Моя вѣра» не признаетъ возможнымъ соединенія зла съ разумностью, оно отвергає діавола, какъ духа зла, а признаетъ его за простой голосъ плоти. Но развѣ не сознательно—духовный характеръ имѣла вражда фарисеевъ противъ Спасителя? Развѣ притончій фарисей не жертвовалъ утѣхами плоти ради гордости? Онъ не былъ хищникомъ и прелюбодѣемъ, подавалъ милостыню и постился, а все-таки пребывалъ въ горделивомъ себѧлюбіи. Авторъ за высшее проявленіе духовнаго начала признаетъ добровольную смерть; но если въ ней заключается высшая побѣда надъ чувственностью, надъ зломъ, то всякаго рода самоубийства, хотя бы по причинѣ псевдовлетвореннаго самолюбія, не являются ли

высшимъ совершенствомъ? Къ этой именно пелѣпой мысли и приходитъ по словамъ книги—кто бы вы думали?—самъ Іисусъ Христосъ, будто бы желавшій броситься съ кровли храма, чтобы лишить Себя жизни. Онъ воздержался отъ исполненія своего намѣренія, но по какому побужденію?—по весьма туманному разсужденію, что воля Отца жизни заключается въ томъ, чтобы люди жили во плоти. Доводъ этотъ едвали основательный: можетъ быть въ томъ и воля Отца жизни, чтобы мы страхнули съ себя узы плоти и убивали ее; но какъ бы то ни было, разъ признано, что цѣль совершенствованія заключается въ обладаніи духа надъ плотью, а отдаться на смерть есть высшее проявленіе этого обладанія, то и всякое самоубійство остается высшую добродѣтелью. Если, далѣе, развитіе разума, сознательности и духовности, само по себѣ взятое, есть цѣль жизни, то почему авторъ считаетъ лучшими людьми дѣтей? Въ нихъ вѣдь всего менѣе господства надъ потребностями плоти, всего менѣе сознательности. Не болѣе ли послѣдовательнымъ было бы новой вѣрѣ считать всякаго взрослого лучше младенца, считать развращеннѣйшую женщину лучшую, чѣмъ когда она была невинной девушкой, считать мірового злодѣя, изощрившагося въ мученіи близкихъ, лучшимъ, чѣмъ искренняго простосердечнаго юношу, ибо у первыхъ вѣдь болѣе сознательности, болѣе обладанія надъ инстинктами плоти, чѣмъ у послѣднихъ? Церковь уважаетъ духовность и сознательность, и будучи чужда тому, чисто манихейскому раздѣленію добра и зла, какъ духовнаго и плотскаго, котораго придерживается новая вѣра, Церковь далека и того крайняго взгляда, который считаетъ разсудокъ, разумъ—за начало всякаго зла. Но она учитъ простираТЬ наше самоотверженіе далѣе подавленія чувственныхъ страстей. Указывая людямъ въ примѣрѣ паденія ангеловъ, какъ далеко можетъ простираться зло въ области духа и сознанія, она показываетъ тѣмъ самымъ, какъ много еще остается нравственной борьбы, а слѣдовательно и развитія добра въ себѣ для человѣка, уже побѣдившаго свою чувственность. Женатый трудовой человѣкъ, который не воюетъ, не судится, не божится и не мститъ людямъ за обиды—вотъ высшій идеалъ добродѣтели по морали Толстого, и такой человѣкъ уже достигъ возможнаго совершенства. Въ этомъ смыслѣ авторъ и утверждаетъ, что христіанское ученіе легко выполнить помимо всякой благодати. Но это ли высота христіанской добродѣтели?

Это ли тотъ путь постепенного богоуподобленія, который такъ высоко ставили не только Отцы Церкви, но и нехристіанскіе мыслители—сравнительно съ добродѣтелью язычниковъ? Да развѣ подобной святости въ фланандскомъ вкусѣ не найдете вы въ какой угодно религії? Новая вѣра и не будетъ отвергать этого: напротивъ, она прямо утверждаетъ, что смыслъ жизни, по ученію Христову, не различенъ отъ ученія прежнихъ языческихъ мудрецовъ, но только упрощено его примѣненіе къ житейскому быту, будучи выражено въ пяти заповѣдяхъ, тогда какъ въ Ветхомъ Завѣтѣ подобныхъ заповѣдей авторъ откуда-то насчитываетъ 613.

Правда, авторъ указываетъ какъ будто и высшій подвигъ жизни—въ вознесеніи Сына человѣческаго, или, что тоже, въ самоотверженномъ проповѣданіи міру ученія Христова. Но и эта проповѣдь не есть апостольство, которое, какъ и всякая проповѣдь «на словахъ», прямо осуждается новой вѣрой, гдѣ говорится: «свидѣтельствовать истину человѣкъ можетъ не иначе, какъ дѣломъ; дѣло же его есть отреченіе отъ войны, присяги и судовъ и дѣланіе добра безъ различія земляковъ и чужеземцевъ».

Понятно, что и тѣ 5 заповѣдей, которыми такъ кичится новая вѣра надъ православною, упрекая послѣднюю въ ихъ сознательномъ искаженіи, что эти 5 заповѣдей при сведеніи всей добродѣтели на побѣду плотскихъ страстей являются гораздо бѣднѣйшими по содержанію и менѣе возвышенными по смыслу, нежели въ ученіи Церкви. Не будемъ разбирать, дѣйствительно ли Иисусъ Христосъ запрещаетъ присягу, суды и войны, а только сравнимъ заповѣди по существу. По ученію новой вѣры, Иисусъ Христосъ заповѣдалъ любовь къ врагамъ отечества; по ученію Православія, Онъ училъ любить враговъ личныхъ, не просто творить имъ добро, но именно душою любить ихъ, какъ Онъ и выясняетъ вслѣдъ за заповѣдью: «вы слышали, что сказано древнимъ: возлюби ближняго твоего и ненавидь врага твоего; а Я вамъ говорю: любите враговъ вашихъ, благословляйте проклинающихъ васъ, благотворите ненавидящимъ васъ и молитесь за обижающихъ васъ и гонящихъ васъ» (Ме. V, 43—45).

Много есть на свѣтѣ космополитовъ, но, право, въ нихъ любви менѣше, чѣмъ въ патріотахъ, и во всякомъ случаѣ они не возбуждаютъ того восторженного благоговѣнія, какое внушиаетъ человѣкъ, обнимающій любовью своихъ личныхъ враговъ. Вотъ Апостолъ Стефанъ, побиваемый каменьями, молит-

ся за убийцъ; вотъ Апостолъ Павель, гонимый жидами, ревнуетъ о ихъ спасеніи; вотъ безчисленный сонмъ угодниковъ Божиихъ, ублажаемыхъ Церковью, воспѣвающею ихъ незлобіе. Но зачѣмъ намъ ходить за примѣрами въ глубь древности? Обратимся къ теперешней житейской наличности, обратимся къ типамъ мірской литературы. Вотъ въ романѣ Достоевскаго Алеша Карамазовъ, безвинно обиженный отцемъ, братьями и чужими. Его православная душа не возбуждается обратной злой, въ ней нѣтъ места для послѣдней; не взаимную ненависть вызываютъ въ ней оскорбления и мученія со стороны близкихъ, но лишь сожалѣніе о ихъ грѣховности; а сожалѣніе пробуждаетъ любовь, и чѣмъ болѣе гонятъ и ненавидятъ христіанина, тѣмъ участливѣе и нѣжнѣе онъ любить; будучи въ униженіи отъ усилившихся враговъ, онъ не о себѣ жалѣеть, но о нихъ, видя ихъ печальное заблужденіе. Вотъ гдѣ вѣнецъ христіанства! Но онъ сбрасывается съ него новой вѣрой. Она, правда, не отрицаетъ его высоты, но отвергаетъ его возможность, называетъ его «гуманнымъ и отвлеченнымъ любомудріемъ». «Любить враговъ?» спрашиваетъ авторъ (VI гл.): «но это невозможно. Это было бы одно изъ тѣхъ прекрасныхъ выраженій, на которое нельзя смотрѣть иначе, какъ на указаніе недостижимаго нравственного идеала. Можно не вредить своему врагу, но любить его нельзя. Не могъ Христосъ предписывать невозможнаго». Да, это невозможно для новой вѣры, но возможно для православной; невозможно для первой, ибо не относится къ подавленію плотскихъ страстей, но возможно для второй, научающей бороться со страстями духовными.

Иисусъ Христосъ далъ заповѣдь не гнѣвяться. Заповѣдь эта принимается и новою вѣрою, и Церковью; и совершенно безъ нужды авторъ старается ее обвинить въ вставкѣ слова: *напрасно*, не гнѣваться напрасно, ибо нигдѣ Церковь не одобряетъ никакого гнѣва и ежедневно проситъ Бога объ избавлениіи отъ всякаго гнѣва, просить о мирѣ со всѣми, о дарованіи намъ ангела мирна, о скончаніи всего житія нашего въ мирѣ, до самой смерти. Но Церковь, заповѣдуя любовь къ врагамъ, а не только воздержаніе отъ нанесенія имъ зла, естественно, и гнѣвъ запрещаетъ не только въ его проявленіяхъ, но и самое чувство гнѣва; повидимому авторъ книги «Моя вѣра» и это считаетъ мало возможнымъ, а формулируетъ свою заповѣдь такъ: «живи въ мирѣ со всѣми людьми, никогда своего гнѣва на людей не считай справедливымъ».

Ни одного человѣка не считай и не называй пропащимъ», т. е., какъ объясняетъ авторъ въ другомъ мѣстѣ своего сочиненія, «не считай вполнѣ позволеннымъ обижать простолюдиновъ, лишая ихъ человѣческаго достоинства». Опять тутъ не столько идетъ дѣло о безгнѣвномъ настроеніи души, сколько о различії сословій и имуществъ. Хорошо, конечно, поступаетъ тотъ, кто не ругается на своихъ слугъ, но этому безгнѣвію далеко до той совершенной свободы отъ самаго чувства гнѣва, которой наставляетъ Церковь, указывая въ лицѣ почти современаго намъ Святителя Тихона Задонскаго высокій примѣръ безгнѣвности, когда, получивъ за слово правды пощечину отъ какого-то иностранца, онъ бросился къ его ногамъ просить прощенія въ томъ, что не предусмотрѣлъ его раздраженія и не измѣнилъ хода своей рѣчи, но допустилъ его до тяжкаго грѣха.

Заповѣдь противъ нарушенія брака авторомъ безъ дальнихъ окличностей толкуется въ томъ смыслѣ, чтобы человѣкъ считалъ свою жену ту женщину, съ которой сошелся впервые. Побужденіемъ къ цѣломудрію является то соображеніе, что блудъ служить причиной раззоренія семей; согрѣвшая съ нѣсколькими женщинами, человѣкъ лишаетъ женъ другихъ людей. Бракъ состоитъ въ исполненіи закона природы, заключающагося въ томъ, что человѣкъ не можетъ обойтись безъ жены.

Въ чёмъ учение о бракѣ по закону церкви? Въ соединеніи пары не для удовлетворенія половой склонности, но для употребленія ея на обоюдное служеніе Церкви; природную взаимную любовь мужчины къ женщинѣ Церковь велитъ употреблять на взаимное назиданіе и возведеніе къ совершенству, на воспитаніе дѣтей въ духѣ Евангелія, такъ что бракъ налагаетъ на людей известная миссионерскія обязанности, не возможность наслажденій, но крестъ и трудъ. Уча цѣломудрію, Церковь заботится не о раздѣленіи всѣмъ мужчинамъ по женщинѣ, но о безпрепятственномъ одухотвореніи ума нашего, ибо блудные помыслы лишаютъ его возможности проникаться высшими чувствами: любовью къ Богу, презрѣніемъ себялюбія и т. п.

Не будемъ изслѣдоватъ далѣе, дозволяются или не дозволяются Государемъ Христомъ суды, по если бы они и не дозволялись, то какая заповѣдь выше: запрещеніе ли судить, или запрещеніе внутренняго злостнаго вмѣненія ближнему его грѣха. Я не буду подавать въ судъ жалобъ на ближняго, но буду въ душѣ съ особеннымъ услажденіемъ искать на немъ пороковъ, со злорадствомъ подмѣтать его слабыя стороны и

разглашать всюду о его ошибкахъ: это ли христіанство? Но если я замѣченные грѣхи ближняго буду встрѣтить любовью, снисхожденіемъ и стремленіемъ поправить ихъ, и чрезъ это, по слогу Христову, пріобрѣтать себѣ брата моего; если одинъ человѣкъ будетъ относиться къ ошибкамъ другого не со злымъ укоромъ, а такъ, какъ мать къ порокамъ нѣжно любимаго сына; если каждый, строгій къ себѣ, будетъ милостивъ къ другимъ, будетъ страдать за другихъ, а не злорадствовать,—это ли не высокое преимущество православія? «Ей, Господи Царю, даруй ми зѣти моя прегрѣшенія и не осуждати брата моего!»

Остается заповѣдь о клятвѣ. Ее считаетъ авторъ за грѣхъ, какъ слова, связывающія нашу волю и обязывающія дѣлать зло. Но въ этомъ смыслѣ Церковь, допускающая клятвы, не подлежитъ обвиненію автора, ибо она строго осуждаетъ клятвы о злѣ, клятвы неопределенные, легкомысленные, какова клятва Ирода; Церковь особенною молитвою разрѣшаетъ всякую клятву, если ея исполненіе является противнымъ нашей совѣсти, грѣховнымъ. Церковь допускаетъ клятву, какъ связывающую нашу волю, но только волю грѣховную, какъ связывающую нашу волю, но только для добра дѣла. Она допускаетъ клятву для помоши человѣку исполнить свои добрыя намѣренія. Въ минуты высшаго одушевленія человѣкъ начертываетъ себѣ путь добра, но зная слабость своей воли, призываетъ Бога быть свидѣтелемъ своего намѣренія, обѣщаетъ Ему, если не себя ради, то ради Его засвидѣтельствованія исполнять доброе. Таковы установленныя Церковью клятвы или обѣты при посвященіи въ священный санъ, при постриженіи въ монашество, при принятіи таинства крещенія, причастія и брака. Клятва имѣетъ значеніе нравственно-воспитательной самопомощи точно также, какъ и въ жизни обѣщеніе одного человѣка другому не дѣлать какого-либо зла, когда, напримѣръ, мужъ женѣ, или сынъ матери обѣщаются впредь не пить вина, не лгать и т. п. Итакъ, клятва въ Церкви не есть необходимое зло, но добро, воспроизведеніе близкаго единенія съ Богомъ, введеніе Его въ свой подвигъ добродѣтельной жизни. А клятва грѣховная, т. е. или ложная, или пустая божба, или злостная, осуждается Церковью.

VII. Содержаніе нравственнаго закона.

Раньше мы показали, что всѣ пять заповѣдей, по учению Церкви, имѣютъ болѣе возвышенный, духовный и внутренній

характеръ, чѣмъ въ книгѣ: «Моя вѣра», гдѣ онѣ, будучи отрѣшены отъ настроенія и сведены къ вѣнчаниемъ поступкамъ, являются не столько религіозными, сколько соціальными правилами. Но если Православіе превосходитъ новую вѣру въ тѣхъ даже пунктахъ, которые считаются красою и вѣнцемъ послѣдней, если и ея общее представлѣніе добродѣтели, какъ побѣженія плотскости духомъ, ниже ученія Православія, и въ этомъ отношеніи воспроизводитъ собою давно пережитую ересь манихеевъ, то можетъ ли новая вѣра соревновать Православію, если мы вспомнимъ его высшій идеалъ добра? Не будемъ повторять тѣхъ возвышенныхъ вѣрованій, которыхъ освѣщаются смысломъ жизни православнаго христіанина, но укажемъ еще на одну добродѣтель въ области внутренняго настроенія нашего, отсутствіе которой въ новой вѣрѣ такъ сильно умалеетъ ея мораль предъ православиою.

Если высшее добро заключается, по ученію новой вѣры, въ пожертвованіи плотскимъ себялюбіемъ, то православная вѣра призываетъ насъ къ высшему подвигу, къ пожертвованію себялюбіемъ духовнымъ, къ *смиренію*. Пусть смытятся надъ этойю основною добродѣтелью свѣтскіе писатели, пусть говорятъ о какомъ-то благородномъ самолюбіи, о чести; но несомнѣнно, что Церковь, полагая въ основу нашей любви добродѣтель смиренія, не удаляется отъ ученія Христова, Который призывалъ къ Себѣ людей именно подъ знамя этой добродѣтели: «научитесь отъ Мене, яко кротокъ есмь и смиренъ сердцемъ». Но что высшаго даетъ эта добродѣтель для жизни? На это пусть отвѣтчаетъ сама жизнь. Не мало бываетъ людей не себялюбивыхъ въ материальномъ отношеніи, честныхъ исполнителей долга, но почему у нихъ не kleяится дѣла? Почему всего труднѣе встрѣтить единеніе и взаимное содѣйствіе именно между тѣми людьми, которые вмѣстѣ поставлены къ какой-либо идейной работе? Почему, чѣмъ достойнѣе бываютъ дѣятели по личнымъ качествамъ, тѣмъ менѣе они могутъ ужиться другъ съ другомъ, хотя бы и были свободны отъ корыстолюбія и чувственности? Потому что они не отказываются отъ своей гордости. Люди сталкиваются въ своихъ вѣнчанихъ интересахъ и между собою борются; уступка этихъ интересовъ уничтожаетъ половину зла на землѣ. Но существуетъ еще злѣйшая борьба интересовъ себялюбія духовнаго или гордость—и тутъ-то только тотъ можетъ быть не вреднымъ, а полезнымъ членомъ общества, кто поступается

ею; только тотъ человѣкъ, который не въ выставленіи своихъ духовныхъ достоинствъ, но въ постоянной уступкѣ ихъ находитъ цѣль жизни, можетъ помогать духовно-страждущему человѣчеству. Вѣдь кромѣ голодныхъ и холодныхъ существуютъ и озлобленные, отчаявшіеся, ненавидящіе, и другіе душевно больныя люди, существуютъ они вездѣ во всѣхъ сословіяхъ, существуютъ и между исполнителями пяти заповѣдей, каковъ и известный герой Пушкина, отрекшійся отъ сословія, имущества и народности, и ушедший къ цыганамъ, но оставшійся «гордымъ человѣкомъ», а потому и не избавившійся отъ преступныхъ дѣяній и не нашедшій успокоенія сердцу.

Кто же, кто можетъ пособить этимъ духовнымъ страдальцамъ, какъ не тотъ, чья душа не сжимается, какъ улитка, при прикосновеніи всего шероховатаго, не бережетъ себя отъ всякаго грубаго отношенія со стороны ближняго къ проявленному ему участію. Смотрите, какъ любовь, лишенная смиренія, оказывается безсильной для взаимной духовной помощи людей. Посмотрите на семью, лишившуюся любимаго своего члена: эта семья имѣеть много сострадающихъ ей близкихъ, но рѣдко кто изъ нихъ рѣшился сказать слово утѣшенія плачущимъ. И причиной тому общиј ложный стыдъ—открыть свою душу ближнему; причиной тому—боязливое самолюбіе человѣческое. Гордость причиной тому, что люди ставятъ мѣдную доску другъ между другомъ и не могутъ слиться въ одной общей духовной жизни. «Смирись гордый человѣкъ!» возглашалъ великий писатель въ слухъ цѣлой Россіи ко всѣмъ филантропамъ, искашившимъ разгадки своей неспособности дѣлать добро. Смиреніе, отреченіе отъ своего духовнаго себялюбія есть то начало, къ которому нужно прикрепить любовь, чтобы устроеніе единства всѣхъ людей въ Богѣ и во взаимномъ самоотречениіи не нуждалось въ исключеніи самого понятія личности и свободы, какъ это выходить по новой вѣрѣ, чтобы мы не лишились тѣхъ идей, безъ коихъ исчезаетъ самое понятіе нравственно-должнаго. Имѣя смиреніе и любовь, какъ тому учитъ вѣра православная, каждый человѣкъ, оставаясь личнымъ и свободнымъ, будетъ жертвовать своею личностью и подчинять свою свободу любви. Тогда-то «будетъ Богъ всяческая во всѣхъ», будетъ осуществляться свободный союзъ личнаго Бога со свободными личностями.

На этомъ мы, пока, окончимъ сравнительный разборъ новой вѣры. Но, можетъ быть, вы будете недоумѣвать,—почему

ся авторъ, человѣкъ умный, таъ загрязнилъ христіанскія истины? Какъ онъ рѣшился не только порочить, но и открыто объявлять за источникъ всяко го зла все откровеніе благодати и истины? Можетъ быть, ваши сердца наполняются негодованіемъ на клеветника вѣры и вы не подберете словъ, достаточно сильно выражаютъ преступность исказителя Евангелія? Но не будемъ торопиться на осужденіе, а лучше спросимъ: много ли въ нашу общественную и внутреннюю жизнь вошло тѣхъ священныхъ истинъ Православія, которыхъ были раскрыты? Лучше спросимъ: можно ли найти слѣды этихъ истинъ въ понятіяхъ общества? Или только себялюбивое равнодушіе, соединенное со страхомъ загробнаго воздаянія выражаетъ наше отношеніе къ Церкви, далеко устряя сердца наши отъ того, чтобы вникать въ духовную сторону всѣхъ нашихъ церковныхъ обязательствъ? Когда членамъ русскаго общества напоминаютъ о ихъ обязательствахъ по отношенію къ своей религіи, то они отговариваются такъ: «что же? это не бѣда, что я пренебрегаю обрядами, за то я уважаю духъ религіи». Но дѣло не въ обрядахъ. Напротивъ. Если у насъ что знаютъ въ православіи, то скорѣе обряды: знаютъ, что преждеосвященная литургія служится великимъ постомъ, что митрополиты носятъ бѣлые клобуки, что въ Преображеніе освящаются яблоки, что по средамъ и пятницамъ полагается поститься. Но духа-то Православія, духа Церкви, именія въ душѣ своей истинъ откровенія о небесномъ домостроительствѣ, вотъ чего мы лишены на столько, что насколько новая вѣра не права въ своихъ обвиненіяхъ противъ Церкви, настолько всѣ, почти, ея обвиненія въ полномъ отрѣшениі религіи отъ добродѣтели, направленныя противъ русскаго общества, вполнѣ справедливы. Мы рады укорять автора новой вѣры за искаженіе Православія, но показали ли мы ему въ своемъ быту истины Православія? Не себя ли самихъ мы укоряемъ? Не мы ли вмѣсто исповѣданія Церкви, т. е. всемирной любви, обнаруживаемъ только свое житейское себялюбіе и себялюбіе? Нашъ языческій бытъ породилъ хульника нашей вѣры, мы сами охулили ее своею жизнью, вмѣсто того, чтобы быть прославителями имени Божія! Конечно, общество давно кричитъ: «мы тутъ не причемъ: виновато духовенство». Но позволяло ли общество ему раскрывать духъ Православія своимъ дѣятамъ? Много ли видятъ священника воспитывающеся? А если видятъ, то не родители ли держать

священника въ рамкахъ требоисправителя, не пуская его далѣе моленной и столовой? Всякій огонь гаснетъ безъ пищи, а потому и пастырская ревность скоро испаряется, когда священникъ не видитъ, чтобы гдѣ-либо въ обществѣ отъ него ждали чего большаго, чѣмъ панихиидъ и молебновъ.

Общество почтительно выпроводило, выкурило духъ Церкви, духъ Православія изъ своего быта, загнало его въ алтарь и на паперь, гдѣ молятся простолюдины, а теперь, когда зловѣшцій огонь загорѣлся среди храма, то и кричать: «что же священникъ не тушить?» Не мудрена система передѣланного евангелія, ее также просто опровергнуть, какъ и многія другія заблужденія, но всѣ они будутъ страшно заманчивы и заразительны, пока истина, пока Православіе будетъ существовать только въ книгахъ, да въ проповѣдяхъ, а осуществляться лишь въ деревенской глупи, да въ пустыняхъ Валаама или Аѳона.

Итакъ, кто скорбитъ о публичномъ поношении Христа и Церкви расколоучителями и отрицателями, пусть не ограничивается вздоханіями, а борется со зломъ. А эта борьба, это миссіонерство не въ словѣ одномъ заключается, а прежде всего въ жизни. Учить православію—это хорошо, а явно его показывать чрезъ то, чтобы носить въ сердцѣ своеемъ и въ общественной жизни обѣтованія Христовы о всеобщемъ единстве любви, о Церкви вселенской, соединенной вѣрою и любовью, быть миссіонеромъ не слова только, но и жизни—это еще лучше и къ этому всѣ мы обязаны, пастыри и міряне, по слову Писанія: «вы—царство священниковъ, народъ святой». И когда Православіе будетъ отражаться на нашей жизни чрезъ любовь и живую вѣру, то не только заблуждающіеся послѣдователи нового евангелія, но и отдѣлившіеся еретики и раскольники придутъ къ Церкви и будутъ «едиными усты и единимъ сердцемъ славити и воспѣвати пречестное и великолѣпное имя Отца и Сына и Святаго Духа».

А. Антоній.